

АЛЕКСЕЙ
ШЕРСТОБИТОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИВУЧЕГО
ПУЗОЖИТЕЛЯ

←
ПОВЕСТЬ

Алексей Шерстобитов

Воспоминания живучего пузожителя

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Дизайнер обложки Татьяна Азанова

Редактор Татьяна Азанова

Эксперт-консультант по медицинским вопросам Марина Шерстобитова

Дизайнер обложки Марина Шерстобитова

© Алексей Шерстобитов, 2017

© Татьяна Азанова, дизайн обложки, 2017

© Марина Шерстобитова, дизайн обложки, 2017

Повесть «Воспоминания живучего пузожителя» — эмоциональная бомба. Пронзительная история о страшном преступлении, которое совершается против самого близкого человека — преступление матери против ребенка, не родившегося и оттого особенно беззащитного. Повествование ведется от первого лица, того самого младенца, жизнь которого висит на волоске. Повесть читается на одном дыхании и не оставит равнодушным ни одного заинтересованного.

18+

ISBN 978-5-4483-6120-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Воспоминания живучего пузожителя](#)

[Евдокия](#)

[История, рассказанная матерью](#)

[Дневник «пузожителя»](#)

[Спасенные](#)

Памяти отрочицы Юлии посвящается...
Прости меня, Ангел!

ЕВДОКИЯ

Не выдавшие здесь друг друга увидятся там
после воскресения, и мать узнает, что это — ее сын, и сын
узнает, что это — его мать.
Свт. Ефрем Сирий «О страхе Божиим и о последнем суде»

Наверное, большинство из нас — людей, привыкших относиться к жизни с точки зрения материальной, узнав о судьбе этой женщины, назвали бы ее невезучей. И действительно: три мужа, от каждого из которых рождался ребенок, после чего супруг, не прожив и полугодя, уходил в мир иной, оставляя мать и свое чадо почти в полной нищете, одиночестве и отчаянии.

Последнее, скорее, надумано нами самими же, поскольку представить такое положение счастливым было бы по меньшей мере нелогичным. Но что мы знаем о людях, знакомых нам только по чужим слухам, скорее всего, по поверхностным мнениям, не стараясь взглянуть глубже и тоньше? Чужие слова, сказанные не ради правды, а для своего эгоизма, который мы и не замечаем, ложатся кривыми неуместными мазками, даже по цветовой гамме не подходящими к картине, которая должна бы нас впечатлить, затронув самые тонкие и теплые струны нашего сердца.

Евдокию Лазаревну Кружилину знал я со слов ее сына, тепло и с большой любовью рассказывающего о своей матери. Было в его словах много неожиданного глубокого чувства, выплескивающегося под визгом рикошетирующих пуль, разрывов тяжелых снарядов, уханьем минометных выстрелов и нервной бранью воинов, окружавших нас обоих — военных корреспондентов.

Он не рассказывал душеспитательных историй, но говорил о жертве женщины ради него и двух других детей, совершаемой с улыбкой на красивом лице, украшенном невероятной доброты глазами, вооруженных взглядом смиренным, не осуждающим, раскрытым каждому и каждому же готовым подарить надежду с верой в лучшее.

Лазарь Кружилин часто описывал материнскую любовь, окружавшую его с детства, как теплую, нежную плаценту, будто в материнской утробе, источающую добрую и успокаивающую энергию. Казалось, он часами может об этом говорить, будто в его жизни нет и не было больше ничего более важного.

Отдельных эпизодов жизни почти не высвечивалось, то есть все услышанные были мелкими не основными подробностями, призванными выделить главное — маму...

Окончив строевое военное училище, тогда еще МВОКУ^[1], Лазарь мечтал отличиться именно как боевой офицер. Но в афганскую компанию не успел, Чечня захватила его лишь первыми несколькими днями, в которых он толком и не успел поучаствовать, дав лишь одну команду: «К машине», которую «благополучно» накрыло минометным залпом со стороны

боевиков. Тогда его только контузило и легко ранило. Однако в себя он пришел только на госпитальной койке, где первое, что увидел, — лицо матери.

Один лишь взгляд ее снял мгновенно охватившую его боль; слезы, пролитые ей до этого, омыли не только раны физические, но и порабощенное желанием мести сердце. Взяв с него слово больше никогда не убивать чужих сыновей, родительница растворилась в воздухе палаты, дав понять, что посещение это было не вещественным, но духовным.

С тех пор молодой лейтенант не мог найти себе места, маясь между чувством долга и данным словом. Разрешил задачу посещавший ежемесячно госпиталь священник, подсказавший, что стезя военного корреспондента ничуть не проще, а порой и опаснее, чем стезя обычного воина, притом что убивать при этом не обязательно, а главное, освещать события правдиво — это и вовсе Богоугодное дело.

Сегодня Лазарь Макарович, став одним из выдающихся журналистов, не покидал ни поля боя, ни опасных неудобных мест, проводя больше половины своего существования в казармах, окопах, на передовой, если таковая существовала в сфере его доступности. Военные воспринимали его равным себе, а то и как старшего товарища, ибо умел, прошел и пережил он едва ли не больше них за все время своей службы, дослужившись до подполковника.

Не было ни одного военного конфликта, где бы он ни присутствовал, умудряясь находиться даже в разных точках ведущихся военных действий, даже если это происходило на разных континентах. Сегодня с утра он мог быть в Украине, днем в Чечне, утро следующего дня встречал в Ливии. Он не гнался за кровью, не стремился организовать жесткие кадры, выделить себя среди воинов, но всегда умел выхватывать поразительные моменты, возможно, даже ничего сейчас не значащие, но обязательно становящиеся центральными в фильмах, которые монтировал с десятков в год.

Кружилина не интересовали краткие сюжеты, только хроника, безапелляционно несущая выхваченной из самого центра ада кровавую личину войны. Не всем нравилось творимое им, но всегда каждое его произведение рано или поздно находило своего настоящего зрителя. Множество номинаций, призов, наград собрали его гений и его мужество. Каждый раз, получая очередной вручаемый знак отличия, он ставил его в заслугу своей матери, простой русской женщине с необычной судьбой...

Сегодня я приехал под Москву передать ей привет и подарки. Особенным поручением от моего учителя стала передача Евдокии Лазаревне премии, выраженной в денежном эквиваленте, что должно было стать хорошим подспорьем в ведении не только домашнего хозяйства, но и в поправке пошатнувшегося здоровья уже не молодой женщины...

Сначала нужно было заехать оформить кое-какие бумаги по выписанной Лазарем Макаровичем доверенности, где я и услышал разные мнения об этой семье. Удивила их полярность, начинавшаяся от странностей многодетной матери до ее фанатичной, даже опасной, как некоторым казалось, набожности, которая из-за упорности старой тетки иногда лишала ее детей некоторых льгот.

Соседи, показавшие, в какой стороне находится дом, принадлежащий семье Кружилиных, хитро улыбались, но плохого не говорили, давая понять, что пожилая женщина

не любит, когда ее хвалят. Старушки, сидевшие через дорогу напротив деревянного забора с воротами и калиткой, какие были приняты в старину, пускавшие в двор средних размеров, окруженный по периметру хозяйственными постройками, и вовсе завалили меня рассказами о детках и самой хозяйке, их старой подруге.

Говорили тепло, но предупреждали не лезть к ней в душу, ибо там слишком много боли, а также не верить всему, что говорят молодые долдоны и вертихвостки из этой и близлежащих деревень. А уж то, что наша привычка делать вывод по одному-двум случаям из жизни людей, клеймя их штампами, зачастую не соответствует правде, я знал на собственном опыте.

Не собираясь ничего узнавать, только выполнить порученное и отправляться к супруге, ждавшей моего возвращения из месячной командировки, я предполагал освободиться быстро. Моя Маруся нервничала, находясь на двадцать пятой неделе беременности, и всё из-за посещения центра планирования семьи, где ее уговаривали прервать это положение по якобы имеющимся показаниям. Ребенок у нас уже ожидался второй, потому она не была дилетантом и воспринимала многое в штыки. Она бы и «послала» этих врачей, а иногда и совсем непонятных людей, работающих в этом злополучном центре, если бы не настойчивое желание обслуживаться в нем её начальника.

Мне казалось, что ему прерывание беременности было на руку, поскольку он в этом случае не терял нужную и полезную работницу, притом что и платить жалование при ее отсутствии в «декретном отпуске» тоже не придется. Центром были недовольны многие женщины, работающие в фирме, поскольку основным его направлением было любыми путями и увещеваниями, часто сопровождающиеся буквально насилием (женщину могли насильно оставить одну на несколько часов в запертом кабинете гинеколога, якобы для уединенного обдумывания навязываемого мнения о необходимости аборта) прервать беременность любыми путями.

К сожалению, напор в подобных учреждениях настолько профессионально поставлен, что не только неопытные молодые женщины, попавшие под эту, извращенно меняющую истину, информационную струю об ожидаемых роженицу негатива и сложностей в неподъемной жизни с младенцем, выливаемые старательными «врачами», но и уже рожавшие матери сдаются, впоследствии жалея о сделанном выборе всю оставшуюся жизнь.

Супруга просила поддержки и защиты от навязывающихся активистов этого центра, что вызывало у меня бурю эмоций и вулкан негодований. Услышав наши переживания, Лазарь Макарович просил, не откладывая, рассказать об этом его матери, думаю, поэтому и придумал это поручение...

Калитку открыла девица лет тринадцати-четырнадцати, прищуриив с хитрецей глаза, поинтересовалась, к кому я. Услышав о поручении от старшего брата, побежала в дом, просив идти за ней, не боясь собак: «Они добрые, своих не трогают».

Дом, скрытый за забором, оказался добротным, сложенным из красного кирпича, с крышей, покрытой не первой свежести шифером. Старые, деревянные, но в свежей краске, обновленные окна небольшого размера говорили не только о рачительности и рациональности строителей, но и о аккуратности сегодняшних хозяев.

Участок, ухоженный и ладно используемый под цветы и овощные культуры, был охвачен по периметру фруктовыми деревьями и ягодными кустарниками. Скворечники облепили почти весь забор, но птицам не хватало, и они, в основном ласточки, ютились под крышей, пробираясь туда, как всегда, через щели.

Резное крыльцо с удобными ступенями, явно недавно справленное, остановило на себе взгляд, а оставленная обувь резанула где-то глубоко догадкой, что свои штиблеты тоже лучше снять здесь. Вышедшая хозяйка — худенькая, невысокая, еще не старушка, но уже «бабушка» с карими глазами и молодым взглядом — заметив направление моей мысли, махнула рукой, приглашая в дом, сопроводив жесты словами: «Это обувь для огорода, проходите, я дам вам тапочки здесь...» Её одежда резко контрастировала и с самим домом, и с хозяйством, выдавая когда-то городского жителя, вынужденного перебраться подальше от высоких цен и неуёмных по жадности городских властей, не желающих входить в часто нелегкое положение обычных граждан.

Евдокия Лазаревна, обрадованная новостями от сына, бережно разложила подарки на столе, статуэтку, полученную на фестивале, поставила рядом с другими в сервант и, смахнув накотившую чуть заметную слезинку, тихо поинтересовалась:

— Когда уж он перестанет так рисковать, ну ведь уже достаточно заслужил — коллекция целая. Нелегко ему, наверняка, как всегда, против всех лезет, авторитетов не замечает, командование не уважает, врагов любит, последнее раздает?

— И любит, и не уважает, и раздает — все так, но любят его больше всех... Особенный он у вас, Евдокия Лазаревна, удивительный. А как о вас рассказывает...

— Да что же обо мне-то, грешной, расскажешь?! Это мне на исповеди не замолкать нужно... Вы-то что? Вижу, с печалью в сердце домой-то возвращаетесь?

— Откуда вы знаете?

— Не я — Господь-сердцеведец подсказывает... Что же у вас, Андрюшенька? С супругой, с девочкой... и-и-и... с мальчиком все хорошо — отчего так нервничать то?

— У нас только одна дочка...

— Ну мальчишку-то ваша вторая половинка под сердечком носит...

— Это да... В этом печаль...

— Какая же тут печаль? Это же счастье мужу и матери спасение...

— Да уговаривают нас по имеющимся медицинским показаниям сделать аборт...

Вот тут глаза ее вспыхнули! Было видно, что дальше справляться с собой ей не просто тяжело, но невозможно. Она отвернулась, подняв руку, останавливающую любое желание помочь, и просто подождала. Сделав несколько глубоких вдохов, медленно выпуская воздух сквозь с силой сомкнутые губы после каждого, женщина отвернулась, запрокинула голову вверх и еле слышно прочитала какую-то молитовку.

Через минуту все вернулось в прежнее русло.

Мы сидели друг напротив друга. Обжигающий губы и язык душистый травяной чай маленькими глоточками согревал возбужденное переживаниями сердце. Почему-то меня «прорвало», и я, не останавливаясь, рассказывал о мыслях моей супруги, преследующих ее последний месяц. Казалось, что нужно остудить этот порыв, но напротив, сказанные

неожиданно железным и твердым тоном слова подготовили не столько ледяную почву для впитывания основного рассказа, сколько размягчили сердце и накалили сознание, теперь готовые не столько впитывать суть, сколько перенимать эмоциональный настрой, на котором будет основана дальнейшая уверенность в правоте очевидного выбора...

Перед началом основного рассказа мать, извинившись, встала из-за стола и, выйдя во двор, позвала детей. Девушка, открывавшая мне калитку, оказалась самым младшим ребенком, средний – уже взрослый мужчина лет тридцати с небольшим, недавно создавший семью и теперь строивший по соседству свой дом – был опорой и поддержкой матери. Он пришел со своей женой, так же, как и мы с Марусей, ждавшей ребенка.

Послушно усевшись, видно, ради этого бросив все дела, дети, как и я, ждали чего-то важного. Вынув из ящичка толстую тетрадь, перехваченную с одного края толстой металлической пружинкой, и положив ее перед собой, накрыв натруженными, не знающими лени руками, Евдокия Лазаревна начала вопросом, совсем, казалось бы не уместным, но почему-то для нее важным:

– Знаете, Андрюша, что за тетрадь?

– Ну-у-у... наверняка что-то... с чем-то, вам дорогим... Даже не знаю. Может быть, чей-то дневник...

– Никто не угадывает, хотя и близко... Вы не первый, кому я дам ее. Запомните – это бесценный дар... Извините, вы верующий?

– Ну... ну так... как все, в общем-то...

– Дьявол тоже верует, и слуги его, как и он, знают о своей гибели... Они даже не веруют, но знают наверняка, знают и спастись могут, если покаются... То есть спасти их может только Господь, и только через покаяние – Он знает каждого, он и решать будет... даже уже решил... Он решил, но сейчас в ваших и в вашей супруги руках выбор, за которым Бог не просто наблюдает, но всячески отодвигает вас от ошибки, от греха... Он спас каждого в надежде, и если мы ее не потеряем...

Начать верить самому, по своему произволению, невозможно, вдруг очнуться и сразу всё понять – тоже. Верить в невидимое – это дар, осознать очевидность этого – временная победа, которую всеми усилиями захочет отобрать дух злобы, воинствующий и не отдыхающий. Он знает каждую слабину, каждую щёлку в твоей обороне, о которой ты и не подозреваешь. Он подделывается своими соблазнами под доброе, вечное, Божественное, зло свое он облекает в пелены добродетели, впрочем, совсем не искусно, но достаточно привлекательно для нашего искушения. Он не может заставить, не может сделать насильно, но искушает так, что мы не умеем сопротивляться. Не имея ни одной причины отказаться от своего еще не родившегося чада, он заставляет нас убивать его. Маленький еще не родившийся человек не может рассказать о переживании своей души. Родившиеся же сразу забывают все пережитое. Сказанное Богом еще Еве «Спасешься чадородием!» ничего нынче не значит, поскольку в Бога не веруют, перед Ним не «ходят», Его не боятся, не любят, не знают, чем, и переполняют полноту чаши своего зла, но пока не Его терпения.

Ни один погибший в утробе не имел голоса и иметь здесь, на земле, не будет. Каждый из них хранит молчание до Страшного Суда, где выступит в обвинении своих несостоявшихся

родителей, хотя до этого и заступается за них перед Создателем... Они не имеют голоса — это так! Но Господь милостив! Это написал мой сын — мой первенец. Его, можно так сказать... Я его убила... Убивала ещё не родившегося... Но было чудо, и позже он сказал о себе...

— Вы хотите сказать... Извините, я не понял...

— Я говорю, что написанное здесь принадлежит перу ребенка, совсем ребенка... Он написал это сразу после первого своего причастия в семь лет... за один день...

— Вот эту вот толстую тетрадь... в семь лет... за один день?!

— Именно... Но не это важно...

Я смотрел на тетрадь, на спокойно лежащие на ней натруженные руки пожилого человека, совершенно точно понимающего, что мной, не имеющим должной веры, да просто даже не думающим об этом, все эти слова не могут восприниматься серьезно, по крайней мере, с должным разумным подходом.

Глаза ее отражали полыхающее сейчас где-то совсем глубоко, в ее индивидуальной духовной бесконечности, пламя жажды искупления того, о чем она сейчас только сказала. Тяжело переживаемая трагедия, случившаяся четыре десятилетия назад, сегодня не давала ей покоя! Именно это, как и желание, совершенно понимаемое даже не верующим человеком, толкало меня внимать каждому слову. В самом деле, не может же разумный человек нести чушь, подобную этой... Значит, это нечто серьезное, просто такое, что никто, в том числе и она, не в состоянии объяснить обычными словами.

«В семь лет ребенок уже может писать. Но ведь столько и взрослому, конечно, тяжело за день осилить, но-о-о... Нет! Нет совершенно ни одной причины сомневаться в ее словах о том, что мой учитель Лазарь Макарович, перед которым я преклоняюсь, смог совершить подобное... Хотя почему он ни разу об этом не обмолвился?! А с другой стороны, скажи он это, что бы я подумал, или чем это могло бы быть полезно без прочтения этой тетрадки? В конце концов, ведь это именно он просил, устроил происходящее сегодня. Значит, существуют какие-то договоренности, и все такое...» — думая об этом, я спохватился: не хочу, внутренне не желаю опровергать рассказ матери Кружилина. И прежде всего потому, что делает она это, да и начал он сам, как теперь понятно, ради спасения моего же ребенка: «Как это странно! Впрочем, странно для нас, людей ни разу не бывавших в церкви, и как, наверное, обычен такой порыв для воцерковленных!»

Я не чувствовал настойчивости и навязчивости, не было привкуса так пугающего многих фанатизма, лишь желание помочь, спасти и не допустить до случившегося с ней так давно. Она и не настаивала, мне даже показалось, что говорит Мать прежде всего для своих детей, слушающих её будто в последний раз перед смертью, и лишь частично для меня.

Пламя не успокаивалось, губы ее пересохли. Наверняка в эти минуты шестидесятиоднолетняя женщина думала только о возможности спасти и нашего ребенка, и нас. Думала, надеялась, молилась про себя, зная, что многое зависит от того, как преподнести необходимость и важность этого. Многие ведь, держа уже в руках «чашу Грааля», искушаются сиюминутными удовольствиями и гибнут буквально в моменте от спасения, все равно что уже в бессилии утопая, отшвыривая от себя спасательный круг на расстояние, которое преодолеть уже не в состоянии. А ведь причиной тому был лишь померещившийся

мираж — как часто «ничто» отвлекает от «всего»!

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ МАТЕРЬЮ

Духовное падение всегда быстрее восхождения, и если при первом возвращении на прежнюю точку далеко не всегда возможно и точно затруднительно, то во втором случае всегда грозит первое, получающееся незаметно, легко и, кажется безобидным временным, всегда оправдываемым, нами шагом.

(автор «Шелеста рассуждений»)

Любой выбор имеет в конечном итоге двойственную природу своего начала, как и все, что создал Господь. Всему есть своя противоположность. Если вы выбираете сторону плотского удовольствия и материального начала, то вспомните прежде, что есть и другой путь, ведущий вверх, а не к падению в бездушие, в котором покидать этот мир будет равносильно добровольному вечному безусловному рабству собственных мук, издевательств и насилия над собой.

Подниматься всегда труднее, как и мотивировать себя к этому, но в любом восхождении вас всегда поддержит душа, стремящаяся к Свету и Вечности, Господь, призывающий к Себе, а значит, сопровождающий по этому пути, Ангел, призванный быть Другом и Хранителем.

Путь же вниз именно скоротечен и прост, как любое падение, ибо не будет в нем ни поддержки, ни помощи, ни опоры!

За единицу падения каждый преодолевает путь в тысячи крат длиннее, чем за тот же период времени восхождения, но только в том случае, если будет на то воля Божия. Завтрашние планы и сегодняшние причины к действию, кажущиеся еще вечером идеально обдуманнами, к наступлению утра зачастую не находят соответствия имеющемуся в Провидении Господнем. Немногое нужно, чтобы избежать нависшего несчастья или непоправимой ошибки: стараться хоть сколько-нибудь придерживаться заповедей в меру своих сил и учиться уповать на волю Создателя...

* * *

Евдокия Лазаревна, проведя рукой по уже истрепавшейся обложке тетради, зацепила ногтем и перевернула переплет из плотного картона, обклеенного цветной, в некоторых местах протертой бумагой. Ее взгляду предстала первая строка: «Я бывший, но так и не появившийся первенец своей возлюбленной матери, тот, что покинул этот мир, так и не увидев его не по своей воле. Прежним я погиб, чтобы воскреснуть, а воскреснув, воскресить в ней все хорошее, что было и есть в каждой родительнице, и, вернувшись, спасти ее своим вторым появлением и первым рождением...» По всему было видно, что каждая буква

давалась ей с трудом. Судя по потрепанности рукописи, прибегали к ней часто, но несмотря на состояние, даже издали чувствовались свет и тепло, исходящие от бумаги.

Никогда в моей жизни ничто не привлекало моего внимание и не разжигало такого любопытства, как эта стопка связанных друг с другом листов. Они и по сей час находились под охраной бдительного ока Кружилиной, хотя явно предназначались мне и моей супруге.

– Дети, написанное здесь может показаться странным сочинением человека, имеющего безграничное воображение, может даже показаться, что он обладает болезненным разумом, стремящемся обвинить и одновременно спасти все и вся! Это писал мой сын в совсем юном возрасте. Я повторяюсь: история его... и моя... наша... не вмещается ни в какие стандарты, она не придумана была, мало того, то, что пережили мы, переживается в той или иной степени подавляющим большинством несчастных наших женщин, не осознающих своих ошибок и ужаса, творимого над их детьми, которым не суждено никогда родиться. Происходящее имеет простое и вместе с тем ужасное название – убийство! Оно ужасно прежде всего тем, что здесь мать убивает своего ребенка!...

– Как-то это противоестественно звучит!...

– Противоестественно, потому что сознание наше перевернутое так и воспринимает происходящее. Вы знаете, ведь каждый медик знает основы поддержания крепкого здоровья, но настолько подвержен, как и любой из нас, искушениям, что умудряется, обладая этими бесценными знаниями, убедить себя в их несколько другой, выгодной для оправдания своих желаний, интерпретации.

Мир наш не зря меняется и далеко не сам, напротив, он сопротивляется изо всех сил, но его изменяют, совершенно не зная, к чему это приведет. Вы знаете, Андрюшенька, кто в мире из живых гибнет чаще всех остальных?

– Наверное, военные... Да, конечно, именно они! Но ведь присяга и всякое такое – они знают, на что идут.

– Вы как военный журналист думаете все о войне... Это и понятно. Но во время войн больше гибнет простого гражданского населения, за счет которого и собирались средства на ее ведение – это самый маленький парадокс, обычно не озвучиваемый, поскольку и во время войны и после нее с остатков населения будут вытягивать еще больше, чем до нее. Думаете, знай они это, отказались бы? Нет, нет и нет, потому что обычно их и не спрашивают!...

– Значит, гражданские? Но это как-то общо...

– Нет, не это... Самый страшный факт сегодняшнего дня – сегодня больше всех гибнут дети...

– Ну это вы уж слишком...

– Дети, которых никогда не видел ни этот мир, ни их матери, хотя, может быть, лишь единожды и уже мертвыми...

– Как так?!..

– Нерожденные дети, дети, убитые своими матерями при потворничестве своих отцов, а часто и по требованию отцов, или, как часто случается, хотя бы... Вот в вашем случае – при настойчивом увещании подобных центров планирования семьи, своей идеологией всегда чуждых русскому духу!

– Аборты?!.. Но-о-о...

– В последние года в России статистика ужасающая – в среднем пять миллионов детей в год! Пять!..

– Пя-я-ять?! Не может быть... Э-э-это-о-о... Это-о-о же настоящий геноцид! Почему об этом не говорят?!.. Почему не останавливают?!

– О плохом и специально планируемом никогда не говорят... Я работаю в православном центре, благотворительной организации, а точнее, фонде, гласном, официальном, между прочем, совершенно не скрывающемся, и вот мы принимаем любых женщин с их проблемами, принимаем навсегда детей, ими оставленных... В случае, если мать хочет сделать аборт, просим, даже умоляем оставить ребенка, мы даже согласны принять его не за бесплатно, но почему-то большинство, подавляющее большинство предпочитают следовать наставлениям именно этих центров... Загадочная русская душа, между тем, чище которой во всем белом свете не сыщешь...

– Евдокия Лазаревна, но это ведь невероятно...

– Почему? На это, на, в конечном итоге, популяризацию прерывания беременности, выделяются огромные средства, что же тут удивительно, когда это общая тенденция – скажем, для здоровых людей, я имею в виду, в принципе здоровых, больницы закрываются, фонды урезаются, врачи, обслуживающие нас, увольняются, а для людей несчастных и обреченных, впрочем, большинство из которых и вовсе не нуждается в лечении, а в основном в наркотиках, открываются клиники, где они, проходя курс лечения, снова возвращаются к прежнему. Тем самым у здорового генофонда забирается и выливается в безнадежный, гибнущий, что и принято называть «гуманизм», хотя по сути это и есть геноцид. И так во всем, потому что главное – это та часть средств, которые можно положить в собственный карман чиновника. А вы знаете, что параллельно закрываются те клиники, что почти безвозмездно лечат, и знаете, весьма ведь удачно это делают! Скажем, недавно закрыли клинику Марка... Выкинув его онкобольных, выкинув умирающих буквально на улицу, с помощью спецназа, между прочем! С них ничего не взять! А ведь они несколько лет жизни дарили людям, тем, кто действительно хочет жить...

– Но ведь и ВИЧ-инфицированных нужно...

– Нужно, нужно, обязательно нужно! Но не за счет других... Подумайте только – пять миллионов человек в год лишаются жизни! Пять! Что это по сравнению с любой войной, по сравнению с любым геноцидом?!

– Но ведь есть же причина! Есть же виновные!

– Есть, обязательно есть... По себе это, Андрюшенька, милый, знаю...

– Ну-у-у... и кто же?

– С абортами – сами родители, больше никто! Их неверие в то, что Господь, даруя ребенка, даст и на него. Их опасения о несвоевременности, а значит, снова неверие! Боязнь трудностей, неустроенности, неверие в крепость собственной семьи и ее будущее, желание пожить для себя, страх потери здоровья, которое женщина и так не бережет. Нет Господа в сердцах! А потому и дары его ничто. Через деточек спасались многие, теперь через убийства своих детей гибнут, научившись оправдывать это словами, чуждыми нам, – *планирование*

семьи... А ведь это планирование в принципе невозможно! Мы ведь наперед почти и не знаем ни одного последствия, которые в свое время нагрянут после сделанного нами выбора...

– А тетрадь?

– Здесь то, что не знает ни один человек, то, о чем не слышала ни одна мать, то, чего не запомнил ни один человек, хотя и проходил большую часть из испытанного этим существом.... Только-о-о... Только, если он читает эту рукопись, значит, окончание этого периода было другим и имело продолжение в следующем, память о предыдущем, из которого он переходит, остается навсегда в забвении.

Лишь следы детского, еще младенческого, сознания во взрослом мозге иногда дают о себе знать, всплывая на краткие моменты, чтобы натолкнуть на что-то спасительное, но сразу же так же неожиданно исчезают в глубины подсознания...

– Ну вы даете... А ведь мне казалось, что вы просто сельская жительница, а вы...

– Вот вам моя история... и не только моя... Это нужно, чтобы понять, что в этой тетрадке, и что там правда, прочитав которую, вы не сможете совершить то, что произошло со мною в мое время...

У меня довольно приличные были родители. Оба интеллигента: отец из военной, мама довольно известный доктор-педиатр. Нужды мы никогда не испытывали, образованием я даже гордилась, закончив МГУ. По специальности я журналист, но первые несколько недель работы по специальности сбили с меня спесь. Дело в том, что я органически не выношу лжи, а соответственно не умею и льстить. За полгода ни одна моя статья не была напечатана, поскольку не хватало сенсации, зато хоть отбавляй правды, которая никого не интересовала. В конце концов мне предложили должность редактора небольшого журнала с сельскохозяйственным направлением. Там сенсации были излишни, и я согласилась. Здесь и познакомилась с молодым человеком, короткое существование с которым повлияло на всю мою жизнь.

Точнее, он повлиял, ведь в итоге... А, нужно быть честным, мы сами меняем свою судьбу, сами направляем ее. Конечно, подпадая под влияние сильных или ярких личностей, обстоятельств, жизненных условий, мы или сдаемся, начиная плыть по течению, или, сопротивляясь, прём против, а может, и стремимся к берегу, чтобы сменить что-то в своей жизни.

Он был не хорош и не плох, просто своевременно появился на моем горизонте, понравился. На фоне довольно серого мира, окружавшего в этот момент меня, его цветовая гамма галантных и не требовательных, что и подкупило, ухаживаний, расположило к нему мое молодое, требующее любви сердце. Конечно, я сразу напридумывала ему кучу не свойственных ему характеристик и черт характера, навоображала будущих лучезарных перспектив, он представлялся мне рыцарем, скромным, но мужественным, мудрым и проницательным, оставляющим мне свободу, ценящим только меня и нашу любовь.

Переспали мы до свадьбы. Мне не очень понравилось произошедшее. Как-то все было грязненько, скоропостижно... именно скоропостижно, словно вместо вкусного и изысканного обеда меня накормили остывшими и уже выброшенными, а значит, подобранными на помойке остатками. Последовала и отрыжка – второй раз, уже более продуманный,

заведомо ожидавшийся с долей неприязни, в чем и не ошиблась.

Были и следующие, воспринимаемые мною как выполнение супружеских обязательств. Постепенно рассмотрев и увидев, что многое из составленного мною в его портрете не соответствует настоящей личности, да и личности-то там, собственно, и не было, я все же попыталась сделать все, чтобы сохранить наши отношения.

Ох, юность, ю-ю-юность... Граничащая то с героическими невероятными по устремленности порывами, то с унынием и бессилием, то с необузданной, необоснованной ничем, кроме эгоизма, ненавистью, надуманной благородностью, имеющей отношение скорее к гордыни! Другими словами, Евдокиюшка сделала все, чтобы хоть как-то приукрасить облик избранника, специально создавая для него ситуации из которых ему, даже ничего не делая, можно было выходить победителем. Но и этим он не пользовался, уступая, злясь, ёрничая от осознания своей слабости и несоответствия мне.

Что было делать? Почему-то я насильственно нагнетала в своем сознании, будто отношения с ним дороги по-прежнему, и я усиленно училась – и выучилась же! – не замечать в нем того, что не нравилось, но буквально воспевать пусть и редкие, но все же бывшие положительные качества. Со временем я даже стала восторгаться тем, что другим и заметно не было.

Нет, это не была любовь, скорее, стремление поддержать так и старавшуюся рассыпаться в пригоршню башенку из песка. В конце концов, наша когда-то мнимая идиллия переросла в рутину, причем совершенно ту, что была между нами и на работе.

К моменту зачатия ребенка мы были женаты больше года, мне исполнился двадцать один, и я не особенно-то стремилась стать матерью. По своей безалаберности и разгильдяйскому отношению к своему женскому здоровью, о беременности я узнала только на пятой неделе, поняв как-то, что внутри меня находится что-то, внимательно относящееся ко мне самой.

Это было странное ощущение, заставлявшее подносить руку к животу, после чего происходило нечто, отдававшееся теплотой и чуть заметными мурашками, начинающимися от кончиков пальцев, далее пробегающих по всему телу, и затухающих только в лобной части мозга, словно говоря: «Ну смотри же скорее – это же я!»...

Евдокия Лазаревна сделала здесь паузу, задрала голову вверх, словно вздыхая с эмоциональным посылом, глядя на Того, Кто мог тогда это ей таким странным образом «намекнуть». Как бы попросив прощения, мотнув из стороны в сторону с сожалением головой, с осуждением констатировала:

– Не то! Не то мы выбираем себе в главные ценности! Свою гордость, свой эгоизм, свое самонадеяние, а потом платим непомерную цену, причем часто не за свой счет! И ведь не скажешь же: «Господи, ну где Ты был, когда я, глупая и заносчивая, с обидой на всех, и на Тебя в том числе, сотворила то, что до сих пор не могу искупить, ни перед своей совестью, ни перед Тобой! Все сама, все сама...»

– Ну все же так делают... А вы до сих пор так это переживаете...

– Все делают, но делают как-то скрытно, зная, что это страшное деяние. Делают, ища

оправдание, находят, а после поголовно всех, начиная с себя, убеждают в правильности предпринятого... А ведь есть матери, оставившие своих чад в утробе, имея медицинские показания, протипоказывающие рожать – вот где упование на Бога, вот где вера! И Господь дает! Сколько я таких знаю! Хотя, конечно, и бывают, безусловно, бывают те случаи, когда и нельзя, а бывает, жаждущая и молящая о ребенке пара никогда желаемого не получает. Кому дано – отказываются, кому необходимо – отказано! И всему есть причина, далеко не всегда нам понятная, известная, устраивающая, справедливая...

Да! Переживаю, потому что знаю, что сделала, воспринимая это горячим сердцем, а не холодным разумом!

И вот я узнала... Узнала и задумалась, что ждет меня, когда муж мой, услышав новость, переложит ее на наш корявенький быт, на тяжелое время, на странность наших отношений и вообще полную, можно сказать, неустроенность. Что делать?! Молчать? Все равно рано или поздно узнает, и что тогда? Так первые вопросы, взволновавшие меня, постепенно бросали маленькие струйки дымка негатива на моего ребенка. Я обдумывала две недели, выжидая удобного момента, который и подвернулся кстати. Дальняя родственница мужа родила двойню, он рассказывал об этом так тепло, что казалось, будто он сам желает малыша. Его взгляд, наполненный таким густым мечтанием, обратился ко мне, мы поцеловались, после чего я сказала, что нас скоро станет тоже больше – трое.

В момент он изменился, поначалу застыв, с опасением, растерянно, обреченно. Я испугалась – этот взгляд обрушил моё старательно возводимое о нем мнение. Враз этот человек стал противен. Каждое его слово, высказываемое, будто давнему противнику, теперь оказавшемуся у него в плену, жалило больно, все больше вбивая в опустошение и одиночество, выроставшие огромными стенами между нами, между мною и всем миром. Я сглупила, не сказав ничего родителям, собрала вещи и уехала к подруге.

Сколько таких историй знает прошлое человечества, сколько их впереди? Но моя была и остается только моей. С ней я предстану перед Господом, за нее и отвечу...

Так прошел месяц. И знаете, Андрей, ведь, честно говоря, многие поддерживали меня духовно, советуя оставить ребенка. И ведь в первое время я не задумывалась об аборте, продолжала работать, не замечая мужа, радовалась предстоящему, холила эту появляющуюся любовь, сначала к растущему животу, потом к тому, что там виделось на обследовании, даже к будущему. Но как-то постепенно вкрадывалось в меня сомнение: а смогу ли воспитать, кому буду нужна с ребенком, такая обуза – а ведь при этих мыслях что-то происходило внутри меня, будто в них участвовал сам растущий плод... А ведь это никак не плод – это было моим чадом. Он и его Ангел еле заметно давали мне понять – а может быть, и сам Господь, – что не о чем беспокоиться... Но сомнения – они прожорливы, они гложут, даже когда тебе хорошо, пробираются сквозь радость, сквозь занятость, проращивают такие семена, как бы похожие на полезные злаки, добрые начинания, разумное, рациональное, потом складывают все вместе в одни снопы, приводят тебя и показывают сразу все поле. Ты видишь, задумываешься, впадаешь в уныние, берешь себя в руки, поднимаешь гордо голову, стряхиваешь с себя все эти напасти и мигом осознаешь, что все они ровным счетом не имеют под собой никаких оснований, надуманы, виртуозно раздуты, вовремя подсказаны.

Настало время, и я решила рассказать родителям, но не успела, они уехали отдыхать, звали с собой, я отказалась — были дела, да и меня постоянно тошнило... Они не вернулись, погибнув в авиакатастрофе, оставив мне квартиру. Мне было ужасно плохо, и тут как тут — появился муж, он успокаивал, делал вид заботливого супруга, даже готовил пищу, именно он помог с похоронами. Мне показалось, что я была неправа поначалу с ним, ошибалась в отсутствии преданности его, его чувств и любви, которые, оказывается, были направлены к недвижимости, ведь он был из провинции, так и продолжая в глубине не любить и не уважать меня.

Я прониклась его разговорами о ребенке и даже не замечала, как тонко он подводит меня к необходимости аборта. Однажды он предложил посетить центр, с благозвучным назначением «планирование семьи». Почему я предпочла именно его, скажем «Центру матери и ребенка» или православному фонду, теперь сказать не могу. Наверное, доверилась ему, так сильно тронутая его переживаниями и поддержкой после смерти родителей. Я и дальше не замечала ничего в улыбающихся лицах добрых, как казалось, переживающих за меня людей из этого центра. Они окружили заботой, направив почти всё мое внимание на меня и мое здоровье. Странно, но мой эгоизм сразу перешел на их сторону. Со временем я задумалась, а нужен ли мне ребенок... Это и стало началом по-настоящему опасных сомнений.

А между тем шла 12 неделя беременности...

До сих пор не могу забыть дня, ставшего пограничным в смене отношения к развивающему плоду... Вот видите: даже сейчас, еле сдерживая слезы, я назвала его «плодом»! Какой же это плод?! Это уже человек: у него уже билось сердечко, я этого не слышала, но душа моя, наши с ним души словно перестукивались этим биением, ласкаясь уже появившейся чувствительностью на уровне духовном. Я ловила себя на мысли, что люблю и очень желаю почувствовать свою кровиночку. Он уже играет, уже чувствует, уже рефлексирует на болевые стимулы, отворачивается от света. Вы знаете, в полтора месяца уже можно снять энцефалограмму мозга! Поверьте! Мать чувствует, чувствует присутствие другого существа, хотя ощущения эти совсем не тактильные, в смысле физические, это как ощущение опасности, переживаемой матерью вдали от ребенка.

Андрюшенька, дорогой, вы ведь, представляя этого совсем крошечного человека, ничего еще не значащего для этого мира, думаете, что он неспособен к жизни, к осознанию себя в этом мире, что он не личность, а стало быть, и не человек, как мы привыкли видеть это разумом. Мол, это некая еще не разумная субстанция, развивающаяся как часть тела матери, всего лишь часть, которую можно изъять при необходимости без забот и душевных переживаний. Нет, мой дорогой, и еще раз нет! Это другой организм! Генетически другой, хоть и родственный. Мать и развивающийся в ней человек — оба личности, обладающие с самого зачатия душами. Эмбрион, перейдя в следующую стадию, будет развиваться и до, и после рождения еще полтора десятка лет, еще долго оставаясь беззащитным и не совсем осознающим себя в мире, принимающим его далеко не всегда с распростертыми объятиями. Понимаете? Ну не имеем права мы убивать в течении этих пятнадцати лет человека лишь потому, что он *неспособен*! После рождения всем подобное сравнение понятно, до появления на свет — почему-то нет!

Ребенок к этому времени уже различает опасность, бежит от нее, чувствует боль так же, как и мы с вами, но он не может сказать об этом, молить о пощаде, доказывать свою человечность, когда его убивают, он безмолвно раскрывает ротик в крике отчаяния, плачет, бесполезно пытаюсь убежать от пластмассовой трубки с острыми краями, которая сначала разрежет его в утробе матери на кусочки, а потом всосет в себя, превратив в плевок ненависти к нему своей матери, красный от крови, чуждый и неприязненный, который женщине хочется поскорее забыть... Я видела, ожидая своей очереди на эту операцию, выходящих немного шатающихся женщин, встречаемых мужьями, бережно берущих их под руки и дарящих цветы... Цветы за убийство их общего ребенка, взирающего на них с сожалением восходящим к Богу душевными очами своими, так и не увидевшими свет.

Несостоявшиеся отец с матерью стараются за всю свою жизнь, если смогут сохранить преданность друг другу, не вспоминать об этом событии и о причинах, приведших их к смертельному греху.

Мы смотрим на обычных убийц осуждающе, можем даже ненавидеть, точно без понимания их действий, но не хотим и задуматься, что сами по собственной воле, без всяких на то веских причин, убили сами, убедив себя и весь мир, что собственный ребенок не был еще ни ребенком, ни человеком. В то время как человеку, укравшему у вас сумму денег, отложенную на машину или другую нужную покупку, всего лишь небольшую часть от той... необходимой, вы говорите: «Ты украл у меня машину, лишил надежды, испоганил всю жизнь!» Насколько же это бесконечно меньше, чем жизнь — не кого-то, а вашего собственного ребенка?!

Тогда, уже на тринадцатой неделе, мы сидели с мужем у входа в кабинет гинеколога с направлением на аборт. Интонации его были ласковы и нежны. Он, не отрываясь от меня, все говорил и говорил. Совсем забыв прошлое его отношение, я следовала своему желанию и не замечала настоящего его отношения к себе, но больше всего не хотела, именно не хотела разглядеть отношения к нашему ребенку! Только услышав крик женщины за дверью кабинета, я, направляемая чьей-то невидимой рукой, взглянула на супруга. Это оказался самый неподходящий момент для Миши — вся его сладкая манера уговоров была пронизана настолько явной ядовитостью, просвечивающейся в его взгляде, пойманном нечаянно сейчас, что меня чуть не стошнило. Я подскочила, сразу вспомнив, что он ни разу не назвал нашего ребенка «ребенком», а все больше «плодом», «отродием», «спиногрызом», «физическим телом», как угодно, только не чем-то своим, родным и хоть как-то ценным...

— Ну вы же тоже решились, значит, и у вас что-то не срасталось с желанием стать матерью...

— Вы знаете, Андрюшенька, мы ведь женщины, тем более в таком положении... Да еще отношения тут обязательно вмешиваются, опасения, часто необоснованные, мы очень ранимы, изменчивы, мы часто на грани истерики. Мы будто перед смертью стоим, а это ведь и есть для нас переход в другой мир. Нам ведь и страшно, нам, девочкам, поддержка нужна, а вместо нее часто что только ни выливается из вас... Ну там: разлюбит, расхочет с нами в одну кровать ложиться, увидит, как мы уродливы, и так далее... Мы замечаем такие мелочи, о которых вы, мужчины, даже не задумываетесь. Они больны, жестоки, упрямы, мы в них верим, даже

больше, чем в ваши чувства, так сильно плещущие через край. Мы, ранимо страдая, не боремся с ними, но накапливаем, требуя постоянного подтверждения ваших чувств, хоть немного, но так, что бы мы заметили. Если этого нет и в помине, то мы придумываем, убеждаем себя, формируя какое-то, только нам известное о вас, мужьях, мнение, зачастую рассыпающееся от малейшего к вам же прикосновения.

Представьте, что с матерью происходит, когда отношения между супругами, мягко говоря, не очень! Я настолько себе же самой завралась, настолько о нем и о нас с ним замечталась, что, пока не волнующее и не напоминающее о себе существо внутри меня, часто забывалось. А ведь ребенок всё чувствует. Даже равнодушие и апатия трогают его, не говоря уже об испуге, волнении, других сильных переживаниях...

— И вы почувствовали одновременно...

— Да, я... меня как бы прожгло насквозь: «Что же я собираюсь делать?! Это же не часть меня, это даже не вторая я! Это он!... Бежать, пока силой не заставили, пока не набросились всем скопом, пока можно спасти и спастись!» Не знаю, как я тогда преодолела закравшуюся ошибку, ведь ребенок действительно не часть матери, но сам по себе, хоть и в некоторой зависимости. У мамы и плода даже кровь не смешивается! И конечно, он личность, никак не вторая мама или второй папа! Представьте — это индивидуальность, еще не рождавшаяся никогда, нигде за всю историю не только человечества, но вообще существования мира... не встречалась и никогда больше не встретится! Это творение Божие, как и все остальное, выходящее из его творческого замысла, обладает уже личностью, в него вдохнули душу, обязательно возвращающуюся назад, независимо от продолжительности и сложности предстоящего здесь, на земле, пути. Мы сами ничего не сделали и ничего не делаем. Мать только поставщик «кирпичиков», из которых сам ребенок себя строит. Да, родительница ничего, кроме как ест и пьет, ничего не делает для этого.... Я почувствовала «одновременно» всю поддельность Мишиного отношения не только к себе, но и к нашему ребенку. Ужаснулась тому, где и зачем нахожусь, внезапно почувствовав, что все мои чувства были всегда направлены после начала беременности не вовне, а внутрь меня. Вскочив, я понеслась к выходу, сбила с ног охранника, пытавшегося остановить и помешать, и еще долго бежала, не разбирая ни дороги, ни смысла. Хотя нет, не так! Мысль была одна: это был восторг от своевременного выхода из беспомощности. Я бежала, становясь совсем другим человеком по сравнению с той, что входила в этот центр. Счастье — вот что охватило меня!...

Дальше были скандалы, угрозы, много грязи, гнев, злость, исходящие от ещё недавно так преданно признававшегося мне в любви человека. Я оставалась неприступной и спокойной. Меня будто было несколько. Я не нуждалась в терпении, была спокойна как объевшийся удав и... счастлива. Бесконечно счастлива. Теперь я знала, в чем оно, это счастье, заключается. Михаил пригрозил разводом — не испугал, я с радостью пошла на это. Разделением имущества — ему не перепало ничего, напротив его могли обязать выплачивать алименты. Он начал писать везде и ужасную клевету, в результате чего я потеряла работу, но не отчаялась. А ведь именно присутствие ребенка хранило и направляло меня. Господь никогда не оставит мать, носящую такой дар под сердцем. Совершенно неожиданно появился в моей жизни сокурсник, когда-то ещё в студенческие годы влюбленный в меня,

предложивший взять на себя работу – писать и редактировать некоторую часть журнала, только начинавшего выходить и набирать обороты. Все получалось само собой, «мы росли» и ни в ком не нуждались...

Через три недели я начала чувствовать своего первенца. Как же нежно и внимательно он давал о себе знать, я ходила на УЗИ, видела, фотографировала его. Воспринимая датчик сначала с опаской, потом любопытствуя, малыш обследовал его. Почувствовав мою руку на животике, он устремлялся к ней и сразу прикладывал свою совсем крошечную ладошку с уже выросшими ноготками, часто он, прислоняясь своей совсем лохматой головкой, терся, будто просился погладить ее. Я привыкла, засыпая, класть обе руки одну рядом с другой, словно обнимая свое уже надувающееся пузико, и что-то мне подсказывало, что мой мальчик как бы забирался в эти объятия, засыпая вместе со мной. Я видела во сне, как он закрывает глазки, тревожится, когда мне снится что-то беспокойное, моргает своими длинными ресницами. Когда сны становились приятными, он клал пальчик в ротик и принимался его сосать. Такие сны стали частыми – наверное, мы так общались. Это было очевидно и понятно. Если я что-то съедала горькое, то околоплодные воды меняли свой привкус, ребенок уже умел глотать и делал это с удовольствием, но лишь почувствовав горечь, морщился и показывал язычок. Сколько же я пережила приятных и восторженных моментов в это время. Наверное, счастливее меня не было никого – так Господь и мое любимое чадо благодарили за послушание и спасение. И ведь я знала – самое счастливое было впереди...

Уже перевалило за двадцатую неделю, по мне этого особенно не было заметно, особенно в одежде. Посещая новое место работы, я начала замечать ухаживания своего начальника. Он был очень хорошим человеком, настоящим товарищем еще в университете. Часто, сидя бок о бок между парами мы болтали, весело смеялись, на занятиях, если один из нас засыпал, другой стерег его сон и всегда вовремя предупреждал. Мы всегда помогали и чувствовали должными друг другу. Я не замечала в нем чувств, он их старательно не показывал. Но сейчас прежнее охватило его с новой силой. Мне нравились и его внимание, ненавязчивость, понятливость, благорасположенность. Как-то в столовой, сидя за одним столиком, он как-то отстраненно произнес, желая сделать комплимент, но попал в самую точку, после чего я начала рассматривать его как объект возможного слияния в семью:

– А ты очень красивая. Тебя очень красит материнство.

– Спасибо! Это приятно слышать... Не каждый мужчина способен заметить внутреннюю красоту счастливой женщины...

– Да-а-а... Я ведь многое перенес из наших отношений в сегодняшний день, сегодня они серьезнее... А знаешь, ведь если человек любит, то ничего не боится, его ничего не может смутить, он ко всему готов, нет осуждения, только желания счастья любимой...

– Хорошие слова, но-о-о...

– Я бы хотел, чтобы ты стала моей женой... – ни с того ни с сего выпалил Макар – так звали моего второго мужа. Да! Мы поженились, решив сделать это как можно быстрее, еще до рождения ребенка.

Я была не просто счастлива и поверила ему, хотя не находя ни одной заслуги перед Богом, но стала зависима от всего, что исходило от него, став буквально второй его

половиночкой. Наверное, так должно быть... И я увлеклась. А ведь слова, произнесенные нами, часто материализуются совсем не так, как бы мы этого хотели. Возможно, я любила его, а может быть, это была и влюбленность...

– Вы до сих пор не разобрались?...

– Дело не в этом! Часто в некоторых положениях, в которые попадает не только женщина, но и мужчина, благодарность и расположенность к супругу настолько сильны, что принимаются за чувство. А вот здесь, бывает, заносит. Я так и сказала ему, мол, печально, что ребенок не от тебя, но если ты хочешь, мы можем сделать аборт и начать все заново...

– И как он отреагировал?

– Я сначала не поняла, он был готов принять, как своего... Но после этого наверняка задумался. Может быть, ему показалось, что из-за моего отношения к прежнему мужу неприязнь к нему перенеслась на потомство, а после родов только увеличится. Он попробовал выяснить причину, я не стала объяснять, уже начиная жалеть о сказанном. Подруги советовали прервать беременность, чтобы не обострять, почти все они, несмотря на свою молодость, уже имели опыт отношений их детей с отчимами. Складывалось по-разному, но было понятно, что общий ребенок для мужа ближе, чем чужой, хотя на самом деле это спорно. Я не хотела и думать об искусственном прерывании беременности, но как-то неожиданно для себя сама и подняла этот вопрос, возможно, стараясь сделать ему приятное. Дошло до того, что я начала ходить по врачам, специально выискивая причину. Мне так хотелось, чтобы появились эти проклятые медицинские показания на эту операцию, ну, знаете, чтобы самой ничего не решать, чтобы избежать этой ответственности за принятое решение.

– А как же чувства к ребенку, о которых вы говорили?! Они же не могли пропасть или даже сравниться с теми чувствами, которые породили благодарность и все такое?

– Не могли и не пропали. Они были, но мешали... Я чувствовала настолько явственно любовь и ребеночка, что она показалась навязчивой, мне казалось, что он все чаще и чаще настойчиво старается напоминать о себе. Я перестала засыпать с руками на своем животике, я не гладила его, даже ударяла по животу, когда он начинал ворочаться, призывая маму. Это было ужасно! Сны, так нравящиеся мне, пропали, замесившись видами одиночества, переживаний, бессилия. Малыш же словно стучался аккуратно и нежно в створки моего сердца, от которых я, с болью в нем, отталкивала его. Я хотела сохранить отношения с Макаром и сама себя убедила, что сделать это можно, только прервав беременность. Но я все равно продолжала любить малыша и не могла переступить через это. Помог случай, точнее, стечение обстоятельств – это ведь не бывает случайно. Кто ищет, тот и обрящет, что ищет.

В очередное посещение кардиолога врач, перепутав документы, сообщил, что у ребенка несовместимая с жизнью патология сердца. Родов плод не перенесет, и он бы советовал прервать беременность. Как специально, в кабинет пришел его коллега, очень известный педиатр, специализирующийся именно на сердечных отклонениях. Подтвердив диагноз, он с сожалением посмотрев на меня, посоветовал избавиться от беременности скорее, поскольку она находилась на пограничной стадии. Еще немного, и аборт пришлось бы делать посредством «малого кесарева сечения». И опять совпадение, в этот момент позвонили и сказали, что какая-то женщина отказалась лишать своего ребенка, пусть и маленького,

но шанса, поэтому если есть желающая, пусть приходит. Гинеколог добавил, что даже сделает большую скидку.

Через пятнадцать минут я раздевалась перед страшного вида креслом, представляя, как буду смотреться. Развалившись на нем с ногами, задранными вверх, разведенными в стороны, спросила:

– Больно ли будет плоду?

– Ну, раз вы называете своего ребенка «плодом», то думаю, это не так уж и важно...

– И все-таки?

– Нервная система у него такая же, как и у нас с вами, конечно, будет больно и мучительно! Но если вы захотите отложить хотя бы на пару недель, придется убивать совсем настоящего человека.

– А сейчас разве он еще не человек?..

Врач, заканчивая осмотр, будто не слыша, сказал совсем о другом:

– Не понимаю я вас, женщин. Одна, зная, что ребенок все равно умрет, хочет дать ему пусть маленький, но шанс, другая совсем здорового хочет убить...

– Но мне сказали...

– Хм... Моему сынишке поставили энцефалопатию. А он растет крепким и здоровым юношей...

– Что вы хотите этим сказать?

– Ровным счетом ничего, кроме того, что моя супруга умница и настоящая мать... Ну что, вы не передумали?... – в этот момент зашла сестра, продефилировала мимо нас, повернув голову в сторону моего разверзнутого лона, покачала осуждающе головой и, конечно, споткнулась о ведро, за которым и пришла.

– Вероника Сергеевна, ну сколько раз я просил вас не делать это в присутствии женщин!

– Именно в их присутствии и нужно!...

И знаете, Андрюшенька, она оказалась права! Я увидела... Я не знаю, как это назвать. Кожица вывалившегося из емкости... выпавших останков совсем маленького, маленького, точно человечка, выглядела, как внешне выглядит карамель – это получается от ожога соляным раствором^[2]. Сама кожа сходит, остается... Это ужасно... У погибшего ребенка был раскрыт рот, раскрыт так широко... Он кричал от боли, мучавшей его почти сутки, но его никто не слышал! И он правда был уже человек! Если бы мать, сделавшая аборт, увидела его, и у нее была бы возможность вернуть все вспять... Не знаю, что бы она сделала... Не знаю!

– А что сделали вы...

– Вылетела пулей, даже забыв нижнее белье! И знаете, я почувствовала то самое тепло благодарности изнутри, ту самую любовь, отвергнутую совсем недавно подло и вероломно... Я чуть не убила его во второй раз! Мой путь, понятно, что через магазин одежды, лежал в кабинет УЗИ. Отстояв очередь, я наслаждалась видом моего мальчугана. Он плясал, радовался, улыбаясь... Да, да – он улыбался так, что сбежалась вся клиника. Он ласкался, прижимался, и я, не сдержавшись, вся в слезах, положила свои руки себе на живот, прямо на эту слизь, которой мажут во время процедуры. Так и встала с кушетки, так и простояла

несколько минут, опираясь о стенку, пока не почувствовала, что он успокоился и мирно заснул. А ведь детки, там засыпая, закрывают глазки, а просыпаясь, открывают вновь. Он стал вновь для меня человеком, полноценным, обладающим личностью, индивидуальностью, теперь уже разумом и всеми свойствами, что и мы, взрослые. Теперь даже если он появится на свет сегодня, то в условиях искусственного инкубатора он выживет, ведь в 27 недель выживают девять из десяти! Мой мальчик уже реагировал на свет. Но для него светом и центром вселенной всегда была я. Он простил меня, мою слабость забыл совсем, радуясь нашему воссоединению. А как радовалась я!

Макарушка отчитал меня за чуть не сделанное злодейство, он сам плакал, гладил уже надувшийся живот. И ребенок реагировал на его прикосновения, как на поглаживания настоящего отца. Это было идиллией, о которой и мечтать нельзя! Мы начали гулять ежедневно, ходили по магазинам, покупали детские вещи и все необходимое. Муж радовался как ребенок и выглядел счастливее меня. Дважды мы посещали кабинет УЗИ и наслаждались общением, да, да, именно общением с нашим малышом. Он все понимал, он все чувствовал. Проснувшись от одновременного прикосновения наших рук к животу, он поспешил, приблизившись, протянуть свои, совсем малюсенькие, коснувшись изнутри моей и Макара. Так застыл и, видимо, почувствовав наши невероятные эмоции, улыбнулся. Потом повернулся к нам спиной, прижавшись к обеим ладоням и доверившись, заснул. Мы все записали на видео и несколько раз в день просматривали, умиляясь и чуть не плача. Никто теперь не смог бы меня убедить, что это не человек, что у него чего-то не хватает и что убить его можно безнаказанно, просто по своей прихоти. Он настолько умен, что знал мое настроение и сопереживал, причем так, что и я это ощущала. Мы настолько слились с ним биениями своих сердец и их ритмами, что он вторил мелодиям моих, насколько это было возможно, при разнице скоростей сердечных сокращений, тем самым успокаивая и радуясь вместе с мамой. Какое же это чудно, когда в одном теле живут совсем родные два человека...

Честно говоря, думая о родах, даже не хотелось с ним расставаться, настолько он снова стал мне нужным, настолько сроднился, настолько был бесценным. Мы втроем превратились уже в настоящую семью, даже иногда принимая решения втроем, прислушиваясь к мнению малыша. Он отвечал, по крайней мере, как-то реагировал на задаваемый вопрос, всегда вовремя, уместно и понятно.

Я уже поняла, что ему нравилось, и старалась почаще баловать его деликатесами, знала, как выразить свою любовь, дать знать о понимании его чувств. Боже! Какое же это было счастье!...

Но раз появившаяся неуверенность всегда старается вернуться. Господи, как просто не реагировать на искушения, пройти испытания, когда чувствуешь Тебя рядом, когда Твоя Десница качает колыбель не только еще не родившегося ребенка, но держит в себе и его мать. Почему мы настолько грешны и слабы, что постоянно забываем о Тебе, начиная надеяться на что угодно, только не на Твое милосердие и любовь...

Мой Макар заболел... Случилось это на тридцать шестой неделе...

Каким же хрупким и быстротечным может быть счастье! Мы, уверенные в нем, внезапно оказываемся перед выбором неясным, непонятным, неразборчивым, но необходимым.

Вот как все случилось. Гуляя, по заведенной недавно традиции, в парке напротив дома, мы заметили маленького симпатичного щеночка. Как же прекрасны и притягательны все детки! Супруг, играясь с ним, увлекшись, поднял к себе, чтобы потереться носами. Это была умилительная картина, вызвавшая не только положительные эмоции, но и слезы счастья, ведь я представила, как он будет радоваться появлению сына, возиться и заниматься с ним, если обычный маленький зверек нашел в его сердце такой отклик.

От восторга маленький песик брызнул тоненькой струйкой, попав на руки и омочив майку. Мы смеялись и веселились, говоря друг другу, что нашего малыша опередили, и первым папу описал чужой «ребенок». Совсем не придав этому значение, продолжили прогулку.

Макар ополоснул руки в луже, вытер носовым платком. Какой же прекрасный день выдался тогда. Он вспоминается мне очень часто. Через три дня муж почувствовал легкое недомогание, а на следующее утро слег в постель с высокой температурой. Мне тоже досталось. Но совсем стало плохо, когда появившийся врач, определивший у него кроме всего прочего и желтуху. Мы думали, грипп, но пожелтевшие кожные покровы и белки Макара не оставили сомнений. Я переносила все на ногах, не особенно страдая, ухаживая за мужем. Все бы ничего, но доктор обмолвился фразой, мол, при желтухе могут быть показания к аборту.

– Что же делать?

– Немедленно обследоваться на этот предмет...

На следующий день поставленный диагноз просто огорошил, лишив меня чувств. Грипп обернулся лептоспирозом^[3], имевшим схожие симптомы и бывающим с желтушечной формой. Гинеколог, уже пожилая женщина, будто читая наставление по стрельбе в сотый раз за день бестолковым новобранцам, равнодушно и несколько обозленно посоветовала задуматься о прерывании беременности. Я обратилась в другое место, по стечению обстоятельств им оказался вновь «Центр планирования семьи», конечно, уже другой. Невозможно судить по вываленной на тебя за час огромной, незнакомой доселе, информации, что именно необходимо предпринимать. Просто оглоушенная, покидая это заведение, я была не в состоянии ни думать, ни выбирать, ни жить. Я хотела умереть. Потом это чувство сублимировалось в желание любой жертвы ради жизни ребенка. Упав на колени посередине парковой тропинки, я молила Бога о сохранении жизни моему мальчику взамен на мою. Отвечала тишина, сменившаяся шокирующим звенящим в ушах унынием. Домой я вернулась призраком. Улучшение здоровья супруга лишь от части поправило настроение. Простояв целый час у иконы Пресвятой Богородицы, я упала в кресло рядом, проспав до полуночи. Ночь прошла в слезах и бреде. Провалившись вновь в сон ненадолго, я вылетела из него от разбудившего телефонного звонка, как попавшаяся на крючок рыба из воды. На другом конце провода был вчерашний гинеколог. Напомнив о необходимости дать сегодня ответ, он попросил заскочить после обеда, мотивируя это свободным промежутком в приеме у врача, делающего аборт на этой стадии.

Почему-то он был настойчив, опять прозвучала информация о скидке... Как странно это звучит, когда речь идет об убийстве твоего ребенка с твоего согласия. Я не хотела и думать

об этом, пока Макар в порыве попытки успокоить меня неожиданно произнес, полагая, что вопрос о искусственном прерывании моей беременности уже решен:

– Девочка моя, ну что же делать, может быть, так надо... Господь ведь не зря устраивает все именно так... Это же не исключает новой беременности, только на этот раз мы будем более осторожны. Я, правда, уже любил, нашего сыночка... Но если тобой все решено... Жаль, что он и правда не стал нашим...

– Он мой!... – тогда я сорвалась в рев, услышав, что он говорит о моем ребенке в прошедшем времени. Я даже не поняла, что он не так воспринял и обстоятельства, и саму ситуацию. Как же глупы и растерянны бываем мы, когда стоим на развилке, одна дорога от которой ведет к очевидному счастью. Почему мы не умеем уповать на волю Божию, почему забываем о Нем?! Не наше дело решать такие вопросы! Нельзя быть матерью, поддаваясь опутавшим нас сомнениям, но наша обязанность – молиться о милости Создателя, даровавшего такое счастье, которое нам всего-то необходимо только сберечь.

К обеду мной овладели полная апатия и безразличие. Выписанные вчера медикаменты вернули к жизни. Оказывается, у меня заболевание не имело такой же желтушечной формы, как у Макара, но кто знает, чем все могло закончиться. Завладевшая моим сознанием неприязнь к бывшему мужу перекинулась на ребенка, оглашенного только что чужим, он казался уже не столько родным, сколько вынужденным. Отдавая себе отчет, что я не хочу ни его, ни аборта, а только забвения, поплелась в женскую консультацию. Дорога лежала через храм. У входа на территорию, принадлежащую церкви, столкнулась со священником. Мне бы поговорить с ним, но вместо этого я только поинтересовалась, куда может обратиться беременная женщина, нуждающаяся в духовной поддержке:

– Отче, а есть какой-нибудь центр, ну... Я не знаю... Мне бы... Так нехорошо на душе, может быть, вы что-нибудь подскажете?...

Батюшка спешил и направил меня в сторону храма, где должен был находиться сам настоятель. Я не дошла несколько шагов. Постояв недолго, развернувшись, поплелась, куда направлялась до этого. Вслед меня кто-то окрикнул. Почему-то мгновенно разозлившись, я даже не обернувшись, только ускорила шаг. Теперь хотелось сделать что-то назло. Ребенок, будто чувствуя мое состояние, пытался, что-то предпринять, но любое его движение начинало меня бесить. Возможно, если бы он не шевелился, просто затих, все было бы иначе!

Влетев в кабинет, не чувствуя ног, я вся горела от неуправляемого гнева – какая же я была тогда истеричка! До сих пор не пойму, ну как я могла решиться на такой шаг всего лишь в метре от материнства. Меня вывели, посадили на стул, попросив подождать пять минут. Рядом сидели две улыбающиеся мамы с огромными живота, о чем-то увлеченно болтая. Как же злило их хорошее настроение, светящиеся счастьем улыбки, душевная легкость, отсутствие необходимости делать выбор – все, даже они сами! Я ненавидела их, все окружающее, даже себя, но больше всех почему-то малыша! А он боролся, он будто знал, куда и зачем я пришла. Ребенок не бился о стенку плаценты, не кувырчался, не толкался, но гладил меня изнутри, ища мою руку, надеясь ощутить ее снаружи, как всегда положенную на мой животик. Он помнил это место и безошибочно прислонял свои маленькие ручки. Мне казалось, что мой почти уже сын – а ведь родился он сейчас же, то выжил бы без труда,

подарив мне счастье и материнство — мне казалось, что я будто слышала голос, зовущий: «Мама, мама, мамочка!» Как же навязчиво это было! Я правда слышала... И слышала не только это! Как-то передавая мысли в мой мозг, малыш давал понять, что он не только любит меня, но и вполне здоров. О Боже! Как же отчетливо я это слышала и понимала! Ну почему меня это злило?! Как я могла так поменяться и оставаться такой, пока все не случилось?! Оказывается, почувствовав неладное и осознав, что аборт делать нельзя ни в коем случае, Макар, еще температура, бегал по всем близлежащим консультациям и клиникам, звонил на мой телефон, аккумулятор, которого, увы, разрядился. Он был и здесь, но мы разминулись — я пошла скандалить к главврачу, написала какую-то бумагу, кричала, требовала... Я сошла с ума и... потеряла сознание.

Очнувшись на столе, раздетая и подготовленная к операции, не чувствуя ног, да вообще ничего — хотелось возмущаться, орать, хотелось, наверное, даже убить всех этих мерзких врачей, взявших все в свои руки. Сил не было, но их хватило, чтобы прошептать: «Убейте его!»

Произнеся эту гадость, я провалилась в бездну. Летела долго — показалось, вечность, но и она закончилась падением, почему-то в кресло, а не на стол. Наверное, так получилось — чтобы видеть происходящее между своих же ног. Меж ними валялась куча грязных тряпок, замазанных кровавыми кусками слизи, каких-то ошметок, остатков плаценты, до сих пор дрожащая, извивающаяся пуповина. Из меня медленно и очень чувствительно выливалась какая-то мелко измолотая крошка, как будто льда. Отливая всеми цветами радуги и воняя запахом гноя, она, местами надуваясь, угрожающе фыркала каждым лопающимся пузырьком. Я спросила:

— Где ребенок? Где мой сын?! Мерзавцы, куда вы его дели?!..

Странно, сейчас злоба прошла, гнева как не бывало, зато вновь вернулись любовь и забота к моему малышу. Овладевшее мною беспокойство просто пугало, я поняла, что, наверное, натворила непоправимое. Если это так, то я не переживу этого! Хотелось подняться или сползти с этого кресла, но и руки, и ноги были крепко привязаны. Я услышала еле уловимый, совсем тонкий стон и звук раскрывающихся влажных губок, кто-то совсем рядышком хотел обратить мое внимание на себя. Почувствовав это своим сердцем, повернулась и увидела лежащего новорожденного мальчика, еще не обтертого, на металлической поверхности стола. Густыми капельками с него спадала кровь и какая-то мутноватая жидкость. Шевелящиеся ручки и ножки тянулись ко мне. Повернутое в мою сторону личико улыбалось, но сквозь это выражение пробивалась озабоченность. Он боялся за меня! За меня, а не за себя!... Боже, насколько же это было явственно и ощутимо...

Врач подошел к младенцу, взял его за ноги, поднял вниз головой, и начал осматриваться вокруг, словно ища, обо что бы ударить его головой. Я крикнула «нет», но крик так и замер у меня в глотке! Ужас охватил меня. В это время человек в белом халате, обляпанном кровью, кажется, мозгами, и даже вкраплениями чего-то белесого, бросил сына обратно на столешницу и подошел к другому столу, с разложенными инструментами. Головка сына обернулась вновь ко мне. Взгляд страдальца излучал любовь и сожаление, страха в нем не было — одна любовь. Я поняла, как я люблю его. Внезапно вспомнилось, что я только недавно пыталась сделать, зачем я сюда пришла и что происходит? Я поняла, что моего сына

хотят убить, и сейчас этому человеку совершенно не важно мое мнение, что они подтвердил:

– Мадам, не мешайте, вы сбиваете меня с мысли... Вы сами его убили! Н-н-н-н... как же убить его?! И не пытайтесь ничего говорить, я сделал вам обездвиживающий укольчик. Не беспокойтесь, ваш ненавистный малыш пойдет на нужды парфюмерии, за это неплохо платят. Деньги мы поделим с вами пополам, плюс специальные крема... Короче, останешься довольной... – мужчина сплюнул, взял тряпку между моих ног и накинул на залитые слезами глаза ребенка. Прикрыв большой волосатой ладонью все от ротика до носика, он прижал с силой и начал считать. Дойдя до двухсот, хотел было уже выбросить в ведро тело, но вдруг раздался писк, говорящий, что Человек еще жив.

– Сученыш! Какой же ты живучий! Утопить тебя, что ли? Нет! Если не задохнулся, то и не захлебнешься! Ничего, для таких, как ты у меня есть кое-что припасенное... Покопавшись в кармане, он вынул большой гвоздь, взял тельце новорожденного головой к себе, прижал к своему животу, не церемонясь, прислонил острие к коже головы в районе «родничка» и нажал. Железо вошло мягко, выталкивая вокруг себя серовато-белесое вещество. Последнее, что я видела – искажившееся страданием и болью личико моего сына. Раскрытый ротик издавал бессловесный крик, судорога охватила все тельце и застыла последним, почти незаметным движением верхней губки и уже расправившихся и высохших ресничек...

ДНЕВНИК «ПУЗОЖИТЕЛЯ»

Как она не позволила ему (своему ребенку)
наслаждаться жизнью и светом в этом веке,
так и Он (Бог) лишит её жизни и света в оном веке.
Свт. Ефрем Сирийский «О страхе Божиим и о последнем суде»

Когда я покидал дом своего учителя и друга, смешанные чувства охватывали меня. Я не мог осуждать, но и оправдать не получалось. С таким настроением я увидел свою любимую супругу. Нам повезло, если это слово здесь уместно – мы нашли друг друга, как находят подходящие необходимые пазлы при собирании большой картины. Я знаю, что это неуместное сравнение, поскольку слившееся целое из двух людей – это индивидуальная единица, она не является ничьим составляющим, заменяет собой прежнее разъединенное, уже никогда не разлепляясь. Такое бывает редко, но, произойдя, показывает, как должно быть!

Радость встречи не прекращалась несколько дней. Все услышанное от Евдокии Лазаревны вспомнилось только на утро третьего дня, когда мы заговорили о показаниях к аборт. Я встал, сходил в уборную, выкурил сразу две сигареты, туша последнюю о стенку пепельницы, подумал: «Ну и вонять же от меня будет! А ведь мой ребенок услышит эту запах! И кто я после этого для него?!» Вынув только начатую пачку сигарет, я смял ее, выбросив в мусорное ведро: «Это несложная жертва, если любишь!» Почистив зубы и пообещав сам себе, что курить больше не буду, вынул тетрадку, отданную Кружилиной, и вернулся в спальню. Маруся не спала, несколько нервозно чего-то ожидая:

– Не знаю, что-то беспокойно... Андрюшенька, ты же меня по-прежнему любишь?

– Что значит «по-прежнему»?! Я по-прежнему никогда не люблю тебя – всегда только сильнее!..

Несколько фраз успокоили – спасибо лекции бабушки Евдокии. Вкратце я объяснил, что за тетрадь, это только вызвало интерес, не обозначившись панацеей от мучающего нас выбора. Так было сейчас, но с первых строк многое начало восприниматься по-другому...

* * *

Будучи существом вневременным, бесплотным, я, частичка Духа Святого, душа, не совсем осознавала предстоящее мне испытание, да и нет здесь, в бесплотном мире, где многое отличается от мест, населенных плотью, такого понятия, как испытание. Искушения, как и везде, конечно, существовали, существуют и будут существовать в виду индивидуальности каждой личности. В самом начале создания мира примерно треть бесплотных духов, поддавшись искушению в своей еще не окрепшей сущности, проваливались в преисподнюю, последовав за своим сюзереном – бывшим ангелом зари, когда-то самым прекрасным и могущественным из себе подобных.

Ангельский чин – это высокое достоинство существ, не имеющих грехов и слабостей, беспрекословно подчиняющихся Слову Создателя, существующих в Славе Его. Я еще не имею такого. Случилось так, что по произволению Божию мне выпало испытание, по успешному прохождению которого я могу быть облачена в ангельский чин высшего достоинства. Но путь этот, как говорят, наиболее тяжел из всех. Мало кто проходит его, оставаясь достойным награды, получаемой не столько за заслуги, сколько больше все же по милости Господней...

Я не чувствовала времени, не думала о нем – его в Вечности нет. Ангел, наставляющий меня на предстоящее, так и говорил: «Первейшее, что начнет из тебя делать нечто, похожее на человека, – это время. Ты поразишься до глубины своей, став человеком, своей нечеловечности, это и будет тот рубеж, когда ты быстро начнешь забывать, кем ты была, где до этого существовала, и зачем ты проходишь это испытание. Это неизменные условия, преодолев которые редкие из людей приближаются по своей сущности к Ангелам. Очень скоро по рождении человеческое почти сразу вытеснит из тебя все сегодняшнее, новое пересилит нынешнее, все, что останется от теперешнего, – это ярость. Так Господь напоминает о Себе, как о самом страшном для любого существа Мздоимце. Он отмщение, Он воздает! Об этом Бог, по милосердию Своему, оставляет достаточный след в памяти. Но люди по жестокосердию своему, опирающиеся на генетическую испорченность, присваивают это напоминание себе, пользуясь им не как средством для своего сдерживания, а средством достижения своих глупых амбиций и выплеском страстей. Чем выше интеллект, тем выше способность контроля над этой яростью, но тем и больше умствования. Человек может жить одной верой, но часто гибнет сомнениями. Вот что тебя ожидает, и никто, кроме тебя, не сможет пройти этот путь. Только ты. Не передумала ли ты еще, ведь это может стать и твоей погибелью?»

Подумав, я захотела узнать:

– А как долго это будет, и чего мне ожидать?

– На все воля Божия! Все уже произошло, Господь видит тебя с момента сотворения, сейчас, потом и всегда, видит и чувствует одновременно, но все это тайна, недоступная никому. Сколько и что – известно только Ему... Ты идешь?

– Да, и мне не страшно, ведь это только мгновение в Вечности, и Он всегда будет рядом!

– Это мгновение покажется тебе вечностью, а существование – преисподней, ты перестанешь осознавать себя, чувствовать себя, то, во что ты вселишься, со временем окажется сильнее и станет почти демоном, но то, что ты сейчас, будет бороться и, может быть, победит... Господь с тобой!..

– Когда же это начнется?

– Еще в утробе... Ты не поймешь сейчас этого, тебе придется сначала поместиться в маленькую, а главное, в конечную, то есть имеющую границы, клеточку... Вот видишь, ты даже не представляешь, что такое граница, как можно куда-то поместиться, как можно вообще что-то ограничить. Конечно, ты будешь еще помнить этот разговор, уже начиная страдать. Ты быстро узнаешь, что любовь существ, представителем которых ты станешь, изменчива, как и их настроения, предпочтения, мысли. Возможно, ты станешь такой же. Потеряв память, Душа, ты забудешь обо всем, даже меня ты перестанешь ощущать, забудешь, оттолкнешь, предпочтешь враждебному духу злобы. Ты забудешь даже Создателя, отвлекшись от всего, что тебе дорого сейчас, увлекшись прахом, сказав, что Бога нет.

– Нет! Такого же не может быть! Как можно отрицать очевидное, естественное, неборимое, единственное, что существует на самом деле вечно, независимо ни от чего?

– Что кажется невероятным здесь, там вполне естественно. Этот же, бесплотный мир, оттуда невидим, и в вовсе не осязаемое там не верят, за редким исключением.

– Но вот же Он рядом, Он во всем!

– Часто там доходят до абсурда, полагая, что Он все, все, все...

– Он всегда рядом, я не забуду этого никогда!

– Когда ты воплотишься, если этому суждено быть, и появишься таким на свет Божий, то станешь обрастать коростой здесь не существующего, станешь совершать неприемлемое для тебя сейчас и всегда ненавидимое Богом. Старайся вспомнить о Нем и о том, что ты уже спасена в надежде.

– Господи! Кем же я тогда стану, если всего этого невозможно избежать?

– Кем – не знаю, но пол твой будет мужским. Радуйся! Господь с тобою!..

Я не чувствовала себя стеснённо, хотя одно обстоятельство казалось странным – ощущение какого-то определенного состояния появилось сразу после короткого пути, совсем незаметного, после которого я еще ощущала себя с Ангелом. Станным было понимание, что «ощущала» в скором времени будет звучать, как «ощущал»! Не помню, чтобы до этого было какое-то разделение. Теперь стало очевидным – я имею пол. Это не совсем верно – я причастна к полу существа, становящегося моей оболочкой. Понятия не имею, как это будет выглядеть, но пока мне комфортно.

Интересно еще необъяснимое ощущение присутствия других душ. Здесь их многократно меньше, чувствуется их постоянное напряжение, причин которому найти я пока не могу.

Да. Я в какой-то оболочке, присутствие ее настолько необычно и непривычно, создающее границы, что начинаю опасаться этих ограничений, ведь для меня не может быть границ. Но если вдруг они существуют, значит то, что невозможно было прежде, реально здесь.

Я никогда ранее не размышляла, все ясное и понятное не требовало противопоставлений, выбора, осознания – все было понятно, однозначно ясно. Что же может быть сложного, ведь «читит и прославляет Бога тот, кто исполняет волю Его; а бесчестит Бога тот, кто преступает Его закон»[\[4\]](#).

Но здесь, хоть ничего еще не изведено, ощущаются другие законы. Это становится понятным после знакомства с самой близкой душой. Мы и раньше были знакомы, ведь каждая из нас – бесконечно малая часть бесконечно Великого, но в этом мире все не так, и осязаемость связей пропадает настолько, что чувствуют друг друга только те души, что получили в свое подтверждение высокое чувство – любовь. Я узнала от души существа внутри, которого я нахожусь, внутри которого развивается моя плоть, что главенствует здесь разум, точнее, ум и это совсем не значит, что все в этом мире разумно и умно. Совсем наоборот, по причине бездуховности и обезбоженности этого ума. Здесь он находится в рабстве телесной оболочки, которая поддерживая себя, предпочитает больше наслаждаться ощущениями приятного в мозгу, чем быть чистым помыслами в сердце. Сердце – это еще одно из новых понятий, к которым теперь нужно привыкать, и, по всей видимости, больше не столько к ним самим, сколько к тому, что они окажутся основой существования тела, становящимся моим воплощением.

Как быстро же оно развивается, как скоро растет. Мне сложно определить масштабы промежутков, за которое это происходит, но четко очерчиваются происходящие события.

Пока была одна яйцеклетка – так это называется, и она существовала сама по себе, ни к чему не прикрепленная, я старательно охраняла ее, аккумулируя всю свою энергию в своем центре. Это позволило мне научиться сжиматься, составляя энергитическую броню зародыша человека, душой которого мне предначертано стать. Откуда я это знаю и понимаю? Кто знает! Меня это интересует, но чем дольше я пытаюсь найти ответы на подобное, тем меньше вспоминаю прежнее существование. Захватывает все происходящее, я поддаюсь этому, тяжелею, приземляясь и очеловечиваясь, но все же оставаясь самой собой – я душа, я никогда не стану человеком, но я могу забыть, зачем я здесь, и какой была до этого. Если так случится, то смерть ждет меня. Вечная смерть!

Время... О, я быстро привыкла к этому новому, совсем скоро уже не понимая, как могла обходиться без него. Время имеет способность течь, оно текуче, причем неостановимо, неудержимо, безостановочно. Время, данное нам с эмбрионом для слияния, начинает отсчитываться еще до попадания в матку, но мы вместе проделываем этот путь. Несколько недель, пока он не присоединится к её стенке. Становясь наконец одним целым духовно и физически, мы даем знать об этом окружающему нас миру биением чудом образованного маленького сердца. Это не появление жизни, это произошло ранее, сначала, но это первый наш совместный звук голоса, интонации которого в 43 день начинают отчетливо формироваться в уже существующем мозге, что может подтвердить энцефалограмма.

Пока мы вместе, пока мы заодно! Это и услышал бы знающий.

Я чувствую, что, постепенно ускоряясь в росте, тело младенца, чудно преображаясь — о, как прекрасна бесконечная мудрость творчества Создателя! — преобладает надо мною. Мозг, формируясь, осознает через меня начала мироздания. Весь он становится пропитан тайнами и благодатью Божией. Именно таким он станет основой для обретения опыта, вместилищем интеллекта, памяти и всего приобретенного, тем разумом, что возьмет надо мною верх и заключит в жестокоружную оболочку своего эгоизма. Но об этом я еще не знаю, как и о том, что эту возможную тюрьму заключенного во мне света он же может и разрушить, освободив меня, чем спасет в Вечности нас обоих...

Никогда не думала, что плотские высокоразвитые существа, верх творения Божия, имеют зачем-то так много всяких приспособлений: руки, ноги, поначалу даже хвост. Интересно, что они им делают? Зачем все эти члены, когда Господь дал каждому из них способность управлять чем угодно одной силою мысли? Может быть, они необходимы для воспитания каких-то качеств при прохождении испытаний, о которых говорил Ангел? Кстати, а где же он? Прошло столько времени, а я только первый раз вспомнила о нем! Прежде он был мне содуховником в блаженном мире Небесной Выси, теперь я даже не понимаю, как с ним общаться, хотя точно чувствую его присутствие...

— Я здесь — всегда рядом! Мне тоже необычно, ведь я не могу привыкнуть к такому резкому разрыву и отдалению друг от друга. Душа, что ты скажешь о младенце?

— Он растет, сливается со мной, мы уже одно целое! Я стерегу его спокойствие. Устроено все так, что от имеющегося у меня что-то ложится в основу его мировоззрения и характера.

— А ты понимаешь, что никогда не будешь, пока вы вместе, покидать это тело, лишь иногда, когда оно будет спать?..

— Я не знаю, что это такое — быть в ком-то, потому и не ведомо мне, что такое покидать. Точно одно: я настолько прониклась к этому существу, настолько люблю его, становлюсь им, пропитывая каждую клеточку своим духом, заранее прокладывая пути благодатного воздействия...

— Странно ты мыслишь! Раньше я не замечал в тебе не только подобных мыслей, но и ничего, что можно было бы применить к вещественному. Да и прежде одним твоим рассуждением был только Бог!

— Надеюсь, так и останется...

— Я всегда тут, совсем рядом. Пока ты и он слабы, я стану вам защитой и охраной, но только от враждебных духов злобы — падших ангелов...

— А разве они способны причинить вред или зло растущему малышу или кому-либо из уже выросших, ведь Господь запретил им не то чтобы вредить, но и навязываться?

— А они и не вредят сами, но очень хорошо приспособились учить самих людей вредить самим себе, просто искушая наслаждениями и всем, что свыше меры.

— И нам есть чего опасаться?

— О да!

— Почему же ты не огородишь нас от этого?

– Я не могу ограничивать выбор и волю человека, здесь он сам принимает решение и следует ему – так решил Господь, создавая свободное существо. Человек, а это женщина, в котором вы оба находитесь, принимает решение сама. Ее Ангел-Хранитель может лишь подействовать через совесть, через подсознание, через такую же, как ты, душу, но услышит она или нет, последует ли она чувствуемому или нет, зависит только от нее...

Я задумалась, почувствовав необычное волнение, чего не было прежде! Неужели весь замысел Божий, касающийся этого маленького существа и меня, может быть нарушен одним желанием этого человека?! Как может быть так, что одно из бесконечных творений Господа может пойти против безбоязненного, необдуманно, не понимая, что любая из задумок Его исходит из беспредельной мудрости и не является собственностью никого, кроме Него Самого? Почему Он позволяет?...

Здесь меня осенило: ведь именно имеющий выбор несет за него ответственность! А именно ответственностью и отличается свобода, а не безнаказанностью, что часто путает человек, как уже осозналось. Оказывается, я сама могу многому учиться, многое познавать, и как сказал Ангел, именно это сделает меня отдаленной от Вездесущего. Но раз такое происходит, значит, так тому и быть!

Время, время, время... Какое же замечательное понятие и прекрасный дар человеку, но умеет ли он принять его, пользоваться им, беречь и ценить его? Каждое мгновение, проведенное в слиянии с растущим эмбрионом, доставляет нам обоюдное наслаждение. Наверное, это отложится в памяти, как и многое другое, происходящее сейчас. Воспоминание об этих днях не может не стать определяющим в жизни фактором. Хотя Ангел предупреждал, что не только я не смогу помнить прежнего существования (лишь чувствовать), но и появившееся на свет чудо Его творения не запомнит и мгновения из проведенного здесь.

Почему так?! А стоит ли об этом задумываться?! Да и можно ли?! Ведь мысли эти не просто крамольны, но пагубны, а значит, губительны – сомнениями в истинности, спасительности, бесповоротности задуманного Проведением Божиим.

Я поняла, Господь дал нам время, что мы смогли наблюдать, даже любоваться Его Гением. Видеть в непрерывности спектра процесса рост маленького существа, ощущать это на себе! А ведь я научилась чувствовать физические границы и биомассы, и её энергетического поля – это великий дар, невозможный в мире, где я была прежде. Господи, что же уготовал ты впереди?! Дух захватывает меня и уносит в небытие, которого уже нет в отверженной от меня памяти.

Растущие маленькие пальчики, оформляющиеся ручки, ножки, я наблюдаю, как постепенно зарождается один из самых важных органов чувств – глаза, то самое, что со временем, напрямую связанное с умом, наверное, замутнится, передавая искаженное изображение мозгу. Оно будет иметь мало духовного, поскольку материальному всегда проще замечать себе подобное, на невидимом же останавливаться всегда трудно, ведь все, что не из плоти и чуждо ей, не приносит мгновенного осознания себя, а значит, и полезным быть по меркам суетного мира вряд ли сможет.

Я предвижу этот ход мыслей, я не хочу такого и буду стараться сопротивляться ему, если от меня к тому времени что-то будет зависеть.

Будучи духом, можно легко разглядеть и понять физическое, но почему так сложен обратный процесс? Ведь мы так же реальны, как и плотское. Неужели временное не в состоянии смириться со своей конечностью? Ведь именно из-за этого, желая быть хотя бы ненадолго выше, оно не видит другого выхода, кроме как возвыситься самостоятельно, незаслуженно, со стороны – потешно, на деле просто уничтожая жизненно важную связь между нами и собой.

Эта мысль мне почти объяснила, каким образом женщины доходят до состояния, в котором легко принимают решение избавиться не просто от плода или от части себя, а от дара, им не принадлежащего, который они обязаны взлелеять, явить свету, вырастить, воспитать, передав в спасительное лоно Церкви, где меня, душу этого ребенка, не только вернут к полноценной жизни, но сделают главенствующей составляющей её, сейчас же якобы всего лишь эмбриона...

Мы растем, чудно преображаясь в невероятный биологический организм, совершеннейший механизм. Впервые за свое существование я внезапно почувствовала, что есть нечто, позволяющее ориентироваться в пространстве. Вестибулярный аппарат, уже имеющийся в нашем распоряжении к восьмой неделе – это то, что дарит нам наслаждение ощущать пространство, земное притяжение, положение нашего тела, чувствовать падение или взлет. Это невероятно приятные ощущения, настолько приятные, что я не сомневаюсь – когда мы появимся на свет, то одним из любимых развлечений станут полеты в воздухе. Чьи-то сильные руки будут нас подхватывать, подбрасывать, ловить, совершать нами пируэты, потом прижимая к себе, так, чтобы душа слилась с душой, а биения сердец, объединившись ритмами, привели в восторг – возрадуйся, душа!...

В это же время впервые я... точнее, скорее, уже мы почувствовали, что такое опасение боли и её неприятное воздействие – мы отдергиваем головку от болевого стимула и отворачиваемся от него, раз и навсегда принимая это в привычку.

Кажется неприятной чувствительность развивающихся нервных окончаний, веточки нервов, совершенствуясь, разветвляются по всему телу. Но это лишь одна сторона. Наконец-то мы начинаем чувствовать маму, теперь это не просто колыбель, а самое любимое и родное, прикосновение к которому вызывает радость и счастье. Все, что связано с ней, приводит сейчас ребенка в восторг.

Что я могу сказать? Все это время я нахожусь внутри такой же, как я, души, мы чувствуем друг друга, существуем друг другом, мы настолько связаны, что уже никогда не в состоянии разлучиться. Не будет крепче и надежнее любой связи. Все происходящее с ней почувствую и я, все, волнующее меня, обязательно передастся ей, и совершенно не важно, что мама женщина, а ребенок мужского пола, я же душа, не в пример обоим, безвременна, бесполо, бесплотна!..

Теперь у нас есть личико, мы постепенно начинаем осваивать мимику, скоро глаза станут тем проводником, через который другие души вполне физически смогут разглядеть и меня, как и я их.

Я не предполагала раньше, что можно играть, можно двигаться внутри, ощущая целый космос вокруг и его невесомость. О, какое это наслаждение! А ведь нам всего-то десять

неделя. Всей поверхностью тела мы чувствуем малейшие изменения, сердце уверенно сообщает матери о нас, души радуются, но плоть мать только интуитивно чувствует присутствие плоти своего ребенка. Но разве это может тревожить или расстраивать малыша, когда все это впереди, и он всеми силами рвется к обладанию матерью, желая вручить заботу о себе самому близкому и любимому человеку.

Вместе с ребенком я чувствую небывалые ощущения от прикосновений, причем не только тела к чему бы то ни было, но и биополем другого биополя. Нас рассматривали через что-то, прислоняя какую-то трубочку к животу родительницы. Мы пугались, но осмелев, подплывали и, протягивая ручку, чувствовали необычное. Наконец мальчик, да, да, мы уже начали осознавать это, попробовал что-то до этого не пробованное – вложил пальчик в ротик. Наверное, так он, предвидя свое кормление, проводил первые тренировки...

И вот оно, то самое, что наконец-то связало накрепко чадо с матерью – стоило только положить ей руку на свой живот, как мы спешили к этому месту, желая освоить новый мир изнутри, передавая вовне, все свои чувственность и любовь ко всему, что составляет понятие мама!

Я все время переживала тот день, когда впервые проявилось сознание человека, именно это возобладание надо мною. Сначала спокойствие и расположенность к нам матери были обычными – легких эмоциональных переживаний мы не чувствовали, затем всплеск чего-то тяжелого окутал белый свет, окружавший нас. С того момента подобные смены ауры стали постоянны.

Неприятно по отношению к себе чувствуется сразу, но чтобы это могло быть? С каждой переменной «света» на туман я все меньше и меньше ощущала свою свободу. Развивающийся разум ребенка, пока с опорой на рефлексы и реакцию тоже формирующейся нервной системы, брал верх любознательностью, опасливостью, переживаниями, меня он любил, но не учитывал, правда, сознавая, что именно я пока и есть большая часть его личности. После я стану тем, что важно, но как всегда, самое незаметное и неудобное – именно во мне будет исток потенциала его совести. Во все периоды своей жизни он будет неосознанно вспоминать меня, произнося «душа», даже не думая, что когда-то я была очевидна и ощущаема. Но это уже после, а сейчас нас захватывали бури, разгорающиеся вне нашего ареала существования.

Плавно, на фоне этого, мое «я» унижалось, зато все больше и больше становилось «я» малыша. Осознанно или нет, я отдавала все нужное, оставаясь почти наблюдателем и пассивным участником жизни этого тела. Главенствовал теперь мозг, пусть и не совсем готовый, но быстро достигающий нужного уровня. Мы оба спешили и успевали.

Так мы – Я, душа, и Он, ребенок – стали осознавать себя как Мы, временно, но уверенно...

Мы очень четко теперь воспринимаем физический мир. Любые колебания, каждую эмоцию, проходящую сквозь мать, каждую боль или удовольствие, испытанные женщиной, ощущаем и мы. Нам не нужно разглядывать подушечки пальцев ладони, положенной на живот, чтобы понять, кому она принадлежит – мамину мы чувствуем еще до прикосновения. Чувствуем и сразу устремляемся к ней, прикладывая из нашего мира свои стопу, ручку, а то и головку, словно прося погладить, ну хотя бы ласково прижать.

Какое же счастье, когда это происходит! Нет! Люди там на поверхности не то чтобы не понимают, но даже не подозревают, насколько тонкая и сильная связь нас соединяет с родительницей. Такого не найти в мире, который даже не готовится пока нас принять, хотя и знает о чем-то, что присутствует внутри одного биологического организма.

Мы чувствуем все безошибочно и никогда не спутаем боль с наслаждением, а испуг с радостью. Сейчас мы воспринимали сигналы растерянности, сменившиеся гневом, скоро потухшим и своим охлаждением ввергшим беременную в тяжелейшую депрессию. Мы могли лишь предполагать причины этого — звуковые и эмоциональные волны, исходящие от человека, с которым она общалась, а мы ведь чувствуем, что это существо имеет к нам прямое отношение, поскольку генные цепочки тянутся к себе подобным, стремясь, обрести друг друга. Это был отец. Он извергал столько неприятного для нас троих, женщины и нас, что всем становилось не по себе.

Конечно, ничего не происходит без последствий. Уже не имея рядом этот раздражитель, мы ощущали что-то, иногда даже граничащее с направленной против нас неприязнью. Это настоящее ощущение, от которого трудно избавиться. Именно так разум научается различать полярность. Что происходило в голове у мамы, нам не может быть известным, но ее душа не в состоянии сдержать своих волнений. Разучившись общаться с себе подобными, она способна только выдавать лишь сигналы, окрашенные предупреждениями о состоянии мыслей и намерений. Большого и не надо. Большого мы и осмыслить не в состоянии.

О, намерения! Добрые и светлые, даже не воплотившиеся, Господь учитывает на Страшном Суде, засчитывая их как благодеяния. Как жалели бы люди, зная, сколько такого доброго по отношению к ним не состоялось, и что было бы с ними, «просыпья мешок» злых чужих намерений, обрушившихся на них по милосердию Создателя!

Намерения — это как раз то, что мы в состоянии ощутить, пусть размывчато, но осознав, полезно это нам или опасно. Сейчас сердце матери источало почти яд. Нами воспринимаемое не влечет за собой обдумываний, этому нужно учиться, что возможно только после рождения. Но это не значит, что у нас не существует понятия обучения. Мы пробуем и на основе этого приобретаем опыт, начиная от тактильных ощущений и до тренировок органов и частей тела, нужным нам сразу после появления на свет. Скоро мы научимся даже издавать звуки. Они будут беззвучны, но только потому, что в легких нет воздуха, люди получают об этом подтверждение сразу по нашему рождению. Первым криком ребенок оглашает свое появление, требуя у всего окружающего принимать его царем природы, образом Божиим, предупреждая, что главнейшая из целей на этот момент — достижения и подобия Его!

Мама ходит, мы понимает, что происходит передвижение в пространстве. Вскоре мы и сами научимся ориентироваться — вестибулярный аппарат уже годен к употреблению. Мама спит, и нам спокойно. В это время душа ее способна общаться с нами, поскольку совсем не зависима. Как много можно выразить одними эмоциями! И она предлагает добраться до сознания и явиться в своем настоящем виде, так, чтобы наше появление стало явью в родительском сне.

Мы еще не готовы, впервые это станет необходимым в опасные моменты, решающие наше существование. И этот момент наступает именно сейчас. Все переживания,

пронизывающие нас, отчетливо дают понять — мы не нужны нашей маме!

Как пережить человеку свою ненужность любимому или любимой?! Очень сложно. Все время тянет в те дни, когда взаимное чувство соединяло не только разум, тела, но и души. Тогда о другом и думать не хотелось. Все пропадает, сужаясь до границ только этого понимания. Хотя можно сказать, что грани постигнутого несчастья уперлись в края вселенной твоего существования, и по-другому теперь не будет! Так у взрослых, родившихся уже, у тех, кому есть чем утешиться, у кого есть выбор, возможности и все остальное в виде ума, свободно двигающегося тела, интеллекта, интуиции. Но что в этом случае делать беззащитному, уже живому существу, которое подавляющее большинство людей не считает даже объектом, принадлежащим к человеку разумному, а только зарождающейся жизнью, на каком-то вещественном уровне, а отнюдь не разумном.

НО МЫ ЖЕ ЕСТЬ!...

Нервозность нашей мамы убаюкивалась приятными вибрациями, исходящими от человека, обладавшего гнилым сердцем. Казалось бы, по-доброму приятно звучащие слова ласкали и ее слух, и нашу нервную систему, но не было в них того, что есть в прислоненной к животу руке любящего нас человека. Все происходящее отражалось на нашем состоянии. Страх, хоть и не ужас, охватил все наше существо.

Это было только начало, неожиданно произошел всплеск окружившего нас ужаса. И заключался он в аналогичности нам существа, ставшего его источником. **Не нужно думать, что детки в утробе матери не чувствуют друга.** Это как раз проще, чем почувствовать взрослого. Души наши настолько чувственны и восприимчивы друг к другу, что могут общаться открыто и понятно, красочно и глубоко описывая происходящее.

Не знаем, что это было за место, только именно здесь убивали подобных нам. Мы слышали крики души одного из нас. В этот момент, когда успокаивающие волны вибраций, принадлежащие голосу отца, старались обмануть заснувшие материнские чувства, гибнущее тело другого младенца, извиваясь, старательно уходило от режущих краев трубки, пытавшихся нагнать его и разрезать. Как отчетливо это передавалось нам, сколько боли и страха терпел этот малыш за секунды до своей смерти. За долю секунды передала его душа все предстоящее этому моменту. Вобрав в себя все подробности и сравнив со своими, мы поняли — нас ждет та же участь!

Впиваясь в тело, острое разрезало плоть, кромсая на части. Попадая слепо и неразборчиво, ранило, отрывало, вскрывало, открывая внутренности еще не сформировавшегося организма, еще недавно обладавшего уверенностью, что здесь, в утробе любимой мамы, он вполне в безопасности, любим сам, сможет донести и подарить свои чувства своей родительнице.

Не так думала и не того хотела она! О, сколько криков душ еще не рожденных младенцев слились сейчас в один, сопровождающий в последний путь своего соплеменника! Последний страдальческий, молящий Бога о пощаде женщины, принявшей такое решение, за такое злодеяние, раздался уже от засасываемого в эту вакуумную трубу, нарушившую не только покой утробы, но и естественный ход событий. Ему вторили все остальные, находящиеся неподалеку (в женской консультации), стихнув разом — кто радуясь

предстоящей другой участи, кто, как мы, ожидая в страхе свою, ужасную.

Не знающие Евангелия, прочтите о встрече Господа и Спасителя нашего, который спросит с каждой за такое решение на Суде своем, прочтите о встрече Его, еще не воплотившегося, в возрасте трех месяцев, находящегося в утробе Пресвятой Богородицы, со Своим Предтечей Иоанном Крестителем, тоже еще не появившегося на свет, и который был всего-то на полгода старше по человечеству, и бесконечно ничтожен в Вечности Его. Прочтите – это написано для вас: «Встав же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствовала Марии, взыграл младенец, во чреве её; и Елисавета исполнилась Святого Духа, и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И от куда это мне, что пришла Мать Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошёл до слуха моего, взыграл младенец во чреве моём».[\[5\]](#)

Последний, слившийся воедино, вопль соединил усилия всех троих Ангелов, которые заставили нашу маму обернуться и взглянуть на нашего отца. Он тоже почувствовал охвативший всех на уровне подсознания, ужас, усилившийся коротким криком женщины, лишившейся только что своего спасения. Речевой аппарат «отца» продолжал произносить звуки, но взгляд потерял на время свою маску, открыв настоящие намерения. Их и увидела жена. Как кадкой ледяной воды, приводящей в себя, облились ее душа и сердце. Боль пронзила грудь, голос совести разорвался увещанием.

Беременная вскочила и, уже сделав выводы, приняла решение: ребенку быть, а мужу – нет!

Какое это облегчение – продолжать жизнь в любви и с любовью, только что отойдя от пропасти, в которой погиб не только ты, сколько любимый тобой человек. Слава Богу за все!...

Следующие за этим переживания ни в какое сравнение не могли пойти с испытанными эмоциями. Мы чувствовали, что происходящее причиняет боль маме, но лишь усиливает чувства к нам....

Совершенно незаметно мы подошли к возрасту за двадцать недель, когда искусственное рождение не становится однозначно гибельным, но уже развившиеся органы и, главное, легкие позволяют выжить. И так, мы уже слышим звуки, а не чувствуем их! Дыхание матери, ее сердцебиение, голос имеют для нас вполне оформившиеся характеристики, которые мы уже никогда не спутаем...

Настало время полного вочеловечения души. Ребенок просыпается и засыпает. Пушистые волосики покрыли мое тело, и теперь я – это я! Душа надежно становится той частью, что проявится только тогда, когда «духовные очи» вспомнят о Боге. Они знают, но не осознают, если не привести в храм и не помочь, взгляд со временем помутнеет, после чего воспримет искажённым все, что создано Богом для человека, а значит, все это придется осваивать заново. К сожалению, сегодня практически нет!...

Я уже человек, но не потому, что до этого не был им, а потому что Господь позволил осознать мне это. Я человек, и у меня есть душа! Как же прекрасно это чувство,

воспринимаемое через призму своего величия. Я знаю теперь, что весь мир для меня, но им нужно ни столько пользоваться, сколько сберегая преумножать, как и любой другой дар Божий.

Я осознаю и свою чистоту, и сегодняшнюю преданность Создателю, хотя и предвижу большие изменения в себе по мере возрастания. Увы, я недолго пробуду почти ангелом и еще смогу чудным образом чувствовать присутствие Спасителя — через несколько лет я, скорее всего, извращу в себе правильное понимание «хорошо» и «плохо», что знал с рождения, и начну выработать удобные для себя понятия «добра» и «зла»...

Я чувствую свет солнечных лучей, он заставляет меня жмуриться, мама, увидев это по какому-то аппарату — я почувствовал это — улыбается не только внешне, но возрадуется душой, торжествуя сердцем, ведь я у нее есть!

Если по какой-то причине появлюсь в мир сейчас, то точно выживу. Я вешу больше килограмма и знаю, что тяжел и уже высок! А еще я научился плакать и отвечать на внешние звуки, а ведь мне нет еще полугода...

Я уже не столько чувствую, сколько знаю: в нашей с мамой жизни появился человек, ставший ей дорогим. Он любит меня, и я наконец осознал, что такое настоящая отцовская любовь. Не-е-ет! Это не то, что было с прежним — одни генетические совпадения не имеют к чувствам никакого отношения. Именно последние и притягивают к себе взаимность.

Как странно может быть устроен мир людей в их недопонимании происходящего с ними, объятых воображением нарушенного хода мыслей, старающихся обосновать себе же не действительно необходимое, а желаемое. Зачем убеждать себя в том, чего нет? Человек, не задумываясь об этом, следует безостановочно ошибочно выбранному направлению. Так бывает!

Предположения, предтеча которым — опасения потери чего-то или кого-то, ставшего дорогим, очень быстро обретают форму и размеры, что становится необходимым либо обтекать мыслью, либо сносить ею, поняв, что вставшее на пути — это нанос заблуждений, мешающий жизни. Но чаще всего эти взрослые предпочитают, в боязни, как бы чего не испортить, оставить в покое этот сорняк, что со временем приводит к возрастанию в гигантских размерах фальшивой стартовой площадки, отталкиваясь от которой, человек приходит к ошибке, приводящей к несчастью.

Интересным кажется наблюдение за эмоциональным и духовным состоянием, общающихся друг с другом людей. Представьте себе, что вы способны чувствовать полноразмерно происходящее в их сердцах и душах. Я могу! Мне дано это, пока я еще в утробе, начиная с рождения, способность эта затухает, забивается новыми ощущениями и иссыкает совсем под воздействием окружающей суеты и противоборства мира, поначалу благорасположенного.

Я чувствовал радость нового отца от складывающегося семейного счастья. Зная, что он воспринимает меня своим родным ребенком, я был спокоен, поскольку не было ни одной причины желать мне гибели. Он — да! Но ни мама, которая теперь постепенно впадала в задумчивость, основанную на предположении, будто беременность может пагубно повлиять на отношения между ней и «отчимом» — ну почему она не понимала, что мне он ближе отца?!

Зачем-то она задала ему вопрос: «Не лучше ли будет им начинать с совместного ребенка, избавившись от чужого?» Мужчина не придавал этому никакого значения, уверенный в том, что достаточно убедил супругу в своей позиции, ответил: «Свой ребенок – это всегда хорошо, и конечно, ему быть!»

Женщины!.. Хотя что «женщины»?! Это общее свойство человеческих натур. Слово для того и существует, чтобы озвучивать мысли, но говорящие стремятся в основном выражать их, редко делая удобно для понимания других сути полностью и до конца так, как понимают сами.

Даже если мысль представлена предельно кратко, ясно, не оставляя и шанса воспринять ее по-другому, это «другое» нередко случается.

Так произошло и здесь. Фраза о желании иметь своего ребенка в принципе была принята неверно и такой «прибита на врата» жизненной позиции в искажающейся форме. Щит этот оказался острием меча, направленного в сторону трех сердец, имеющих общее желание моего появления на свет...

Женщина, ты создана с заложенными материнскими чувствами, которые должны всегда, в любом случае превалировать над любыми обстоятельствами. Задай себе вопрос: может ли случаться победа над ними собственного эгоизма или проделками враждующего духа злобы, естественным образом? Если нет, то каким?!

Боясь потерять мужчину, ждущего меня, ты, моя любимая мама, была способна убедить себя в необходимости избавиться от меня, хотя делала это с фатальным, катастрофическим самопоеданием, в результате уничтожив за несколько недель все, что соединяло нас. И ведь ты не разлюбила, не потеряла любовь к собственному ребенку, но закрыла теплящееся чувство грудой мусора надуманных мотиваций и вымышленных причин.

Да, да, ты любила и не могла по-иному, именно поэтому не было возможности что-то предпринять. Так ты вошла в противостояние истинного чувства и ошибающегося разума. Выход был найден, оставалось нащупать ручку и ключ. Нужна была причина, которая позволила бы все свалить на стечение обстоятельств, сняв груз ответственности с себя. И это не замедлило себя ждать.

Конечно, я не мог знать и понимать этого, но метания и изуверские страдания, причиняемые прежде всего сомнениями, после – страхами, толкали тебя на походы к врачам. Я чувствовал, что не мои состояние и здоровье толкали тебя на эти посещения, а нечто другое. Каждый раз, когда следовало бы радоваться подтверждением моего крепкого состояния, ты разочаровывалась, что темным смогом опускалось из твоего сердца в мое. Я, твой сын, задыхаясь, искал поддержки у тебя, ища твоей руки, прислоненной к твоему животу, как было раньше, чтобы передать тебе свои импульсы, обменяв их на взаимные.

Я перестал слышать твой голос, которым ты разговаривала со мной и пела песенки. Твои мысли, обтекая, не касались меня, теперь не ласкали, но, проползая мимо, лишь задевали своей шероховатой неприязнью все чаще и чаще кажущейся тебе неустроенности твоей судьбы.

Я не был бессилен! О, если бы ты обращала внимания на мои нежные посылы, на поглаживания и прикосновения изнутри, на голос моей души, направленный твоей, не слышимый и заглушаемый все той же боязнью, ты бы поняла, что хочешь убить самое

ценное в тебе.

Я предчувствовал приближающуюся опасность и в оставшуюся последнюю ночь, прибегнув к помощи обеих душ, постарался пробиться в твой беспокойный сон. Я выглядел не совсем таким, каким был сейчас, но предстал, наверное, пятилетним мальчиком, протягивающим к тебе свои руки, не плачущим, но выглядевшим умоляющим, умоляющим не о себе, не о нас, но о тебе, ибо мною ты должна была спастись. Я словно говорил: «Посмотри, посмотри, каким я стану, я реально существующий, живой, разумный, я совсем человек, любящий тебя. Не просто живое создание, но дар Божий. Спаси нас, всего-то оставив меня внутри себя. Отец ждет моего появления, он видит в этом счастье семьи, даже не помышляя о другом. Посмотри на меня, как ты делала это через какой-то аппарат, и ты увидишь, как я тянусь к тебе, как улыбаюсь, жду, жду, жду...»

Не знаю твоих мыслей, если они бывают во время взрослого сна, но мне казалось, что ты плакала...

После уснул и я. Нам снятся тоже сны. Они не бывают страшными, неприятными, нежеланными. Мы видим то лучшее из наших жизней, и неважно, сбывающихся или нет, из тех, что предстоят или предстояли бы. Всегда только радостное, хорошее, доброе. Что-то из них передается и маме. В эту ночь, после моего появления перед тобой, ты видела и все мои сны. В них мы всегда были вместе. Ты не только была счастлива, радовалась, ты гордилась и воздавала про себя хвалу Господу за Его милосердие. Нет, нет, не за меня, но как за Его дар. В сегодняшних снах ты благодарила Создателя за милость, заключающуюся в моем спасении... Так ли это?!..

Наступившее завтра стало не только днем воспоминаний и новых мук при всплывании из памяти увиденного во снах. Это был день очередного обследования моего и твоего здоровья, где по ошибке в общем-то добрый, порядочный доктор и хороший человек, перепутав бумаги, поставил мне неправильный диагноз, советуя лишиться плода, дабы не насиловать свой организм, доводя до состояния, когда придется делать это уже как роды.

Появившийся «светила» именно в этой области, зайдя в кабинет к старому товарищу, просмотрел чужие документы и констатировал ту же патологию, подтвердив диагноз.

Нет, радости не было, скорее, ты задумалась, впад в стопорное состояние. Неудивительно, ведь сбылось не твое желание, а стремление черной зависти, попадающей в человека вместе со злыми помыслами, завистью, принадлежащей древнему злу ко всему живущему и надеющемуся на спасение, поскольку сам он этого лишен!

Мамочка, именно в этот момент я почувствовал, как всколыхнулось ко мне твое чувство. Именно сейчас ты впервые за две недели улыбнулась мне, но улыбка эта застыла на словах сообщения доктора о возможности сделать все прямо сейчас...

Все, что я в этот миг ощущал из исходящего от тебя — это неудобства от принятой позы, стеснения, стыда и страха, пока с неосознанной природой, но страха. Твое беспокойство относилось к вопросу о моем существовании. Ты не хотела причинять мне боли.

Врач излучал в твою сторону флюиды осуждения, он был недоволен таким решением, но больше все же осуждал себя, поскольку делал то, что ненавидел. Каждый последующий раз он говорил себе, что это конец, но брался за следующий из-за необходимости денег. Как же

люди парадоксально созданы в своем внутреннем мире, удивительны своей, только своей индивидуальной философией. В предстоящем перед ним выборе он уже винил не себя, а именно женщин, в них он видел искусителей и кару, наступившую уже здесь. Беря деньги, гинеколог проклинал протягивающую их руку и жалел себя. Он ничего не хотел менять, поскольку знал: лучше обвинять их, чем тех, на кого эти деньги уходят: жену и недавно родившуюся дочь. Себя он признать виновным был не в состоянии.

Часто думая об этом, успокаиваясь тем, что не похож на тех фанатиков-младенцеедов, что получают от этого удовольствие, как один американский гинеколог, заявлявший во всё услышание, будто нет большего наслаждения, чем прерывая беременность, убивая плод!

Он был добр, причем значительно добрее, а главное, честнее приходящих матерей...

Пока он осматривал тебя, мама, подбираясь совсем близко, даже касаясь перегородки между мною и тобой, я чувствовал его пальцы через тонкую мембрану. Ужас уже охватывал мое сознание. Эта комната, эти стены, все здесь было буквально пропитано муками, страданиями и болью, таких же, как я, младенцев, и я, конечно, чувствовал это.

Впрыснутая жидкость взамен выкачанной[6] жгла кожу снаружи. Попадая внутри организма, выжигала совсем нежную слизистую внутри, ей захлебывались, травились, мучились. Это была жуткая, страшная и долгая смерть, на которую обрекают миллионами матери своих уже полноценных чад. Родил их, и они будут жить!..

Не знаю, что произошло, когда я сквозь твою плоть[7] услышал какие-то пугающие звуки, чей-то крик, вызвавший впрыск в твою кровь, чего-то, что испугало.

Все происходящее взволновало тебя чрезмерно! Но главное — оказанное влияние вновь пробудило в тебе материнский инстинкт, ничто теперь не могло удержать мою маму в этом месте. Для меня до сих пор загадка, что же заставляет женщину перебороть уверенность, выстраиваемую так долго, и в одно мгновение спасти ребенка?! Так ли это важно, когда мать несется куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого ада, не чувствуя свое нелегкое положение, позабыв обо всем, думая только о малыше, ужасаясь миновавшей обоим потери. Нет для нее большего счастья, чем благодарность, оказываемая сыном или дочерью всеми возможными для плода вариантами.

Через это чувство очень быстро выстраивается цепочка общения, чувственность охватывает обоим, в ней они засыпают, пробуждаясь, будто в раю.

Я был охвачен твоим восторгом, очарован эмоциями, захвачен радостью. Ребенка, как и женщину, нужно только любить, остальное, выливаясь благодарностью, как из рога изобилия, становится теми кирпичиками, которые составляют со временем здание счастья.

Кто знает, что воспитывается, и как влияют такие переживания на младенца. Ничто не проходит бесследно! Но разве можно сравнивать это пережитое обоими — матерью и ребенком, все же оставшимися вместе, — с расставанием, при котором мать остается даже не тронутой сердцем смертью своего чада, продолжая спокойно существовать и даже, как нередко бывает, повторяя подобное раз за разом?!..

Я настолько выбился из сил, что почти сразу заснул, как только почувствовал возобладавшее в матери спокойствие. Во сне явился Ангел. Он и был со мной — чем ближе к родам, тем материальнее становятся наши индивидуальности, тем слабее связь со своей

душой, закрепощающейся внутри нас.

– Ты снова остался жив...

– Это не моя заслуга...

– Именно так! Знаешь, еще почему умирают невинные дети?

– А разве такое бывает?

– Ну ты же...

– Ну я же не умер...

– Никто из нас не может знать, что будет завтра... Люди не могут даже правильно оценить бывшее вчера!

– Я не знаю, что такое «вчера» или «завтра». Но я знаю, что такое любовь...

– Ты можешь это забыть, как большинство из рожденных. Может, ради памяти, которую тебе оставят в будущем, ты и проходишь все эти испытания, еще не родившись...

– Ты недоговорил... Почему?

– Невинные дети подчас умирают из-за недостойности родителей иметь их – это надо еще заслужить!

– А как же моя мама... Она достойна?!

– Если ты родишься, хотя и это еще не показатель, кто знает, что будет дальше. Но она борется! Почему ты стараешься бороться, ты ведь знаешь, что некрещеные младенцы, тем более погибшие в утробе матери, освобождаются от посмертных мучений?...

– Я уже не помню этого, и потом, я борюсь за маму, хотя и боюсь за себя...

– Мы еще встретимся, я всегда рядом, постарайся это не забыть. У тебя никогда не будет ближе меня друга, который ни за что не затаит на тебя обиду и не бросит в беде. Да запретит Господь искушать воинствующему духу злобы твою родительницу, но дарует ей сил и разума. Аминь!..

Я не очень помню, что было дальше. К сожалению, все это с родами уходит в забвение. Кажется, мы еще не раз встречались. Если вспомню, пока не окончу, скажу...

За остальные несколько недель я совершенно освоился, научился чувствовать себя совсем человеком. Мне то казалось, что так будет всегда, и я останусь навсегда здесь и навсегда таким. Не зная, как это бывает, я думал, что другого мира нет. Не совсем так: что-то я предполагал и, конечно, чувствовал внешнюю бесконечность, как и внутренний безграничный мир. Наверно, человек именно из этого состояния выносит потом привычку к «оседлости», в основном не желая менять привычного, удобного, комфортного. Странно, у меня нет боязни когда-нибудь покинуть это место, я просто не думаю об этом, потому что не думаю о глобальном и завтрашнем. Здесь и сейчас я еще наслаждаюсь безгрешным бытием, даже не представляя, что может быть по-другому.

Для меня утроба – это космос, а я космонавт, соединенный пуповиной с *альма матер*. Я так же рефлексирую, уже как обычный человек, обладающий рефлекторными реакциями. У меня их более семи десятков.

Мне очень нравится трогать и обследовать себя. Я уже волосат и тереблю шевелюру с удовольствием. Можно только попытаться представить уже ставшему взрослым, человеку, как я умею отлично распознавать, находясь внутри мамы, каждое ее движение, любое

положение и состояние. Конечно, я знаю, когда она взволнована, расстроена, радостна, и могу реагировать на это своими передвижениями.

Я так привык к перемещениям, находясь внутри животика, что даже не знаю, как обходиться без этого, если придется покидать этот такой уютный мир? Наверное, я буду проситься на руки, желая, чтобы меня всегда носили, ведь так и есть – мама меня носит!...

Я чувствовал и уже привыкал к мысли – еще немного, и я увижу тебя собственными глазами! Наверное, женщина не понимает этого, как и любой человек, думая прежде всего о своих ощущениях. Конечно, она представляла, как увидит меня. Я ощущал эти мечты, ведь все, что меня касалось мысленно, волновало по-настоящему. Переживая эти эмоции, я делился своими, направляя в ее сторону мощные импульсы, считая необходимым делать это постоянно, хотя и понимал, что этого не чувствует сама моя родительница...

Несколько недель прошло в восторженных чувствах. Я действительно не просто предполагал, получая иногда подтверждение, но знал! Все это время я был центром внимания. Как же приятно быть с ними – с мамой и папой. Как они догадались, что их сын уже участвует в их жизни и хочет, чтобы они участвовали в его. Они говорили со мной – я отвечал. Они даже спрашивали и советовались. Пусть я ничего не понимаю, не знаю, но разве в этом дело?! Давая знать о том, что слышу их и люблю, я дарил им повод для еще большего счастья. О, какое же это было прекрасное время!

Надо заметить, что многое было мне непонятно, но в этом и не было необходимости! Забота, нетерпение любви к тебе, желание поскорее соединиться – не нужно учиться разбираться в этих эмоциях. Ты чувствуешь всем собой потоки радости и восторга, когда мать примеряется к коляске, берет куклу размером с меня, кладет ее на место, берет на руки, прижимает, пытаюсь представить, как это будет. Она проходит по торговому залу магазина, уже видя себя прогуливающейся со мной. Что говорить, когда увлекшись покупками и разговорами, родители, смеясь, скупают половину прилавка, примеряя каждую купленную вещь к животу, пытаюсь понять, подходит размер или нет. Они словно видят меня, почти танцующего внутри от такого же восторга. Чувства матери, конечно, выше отцовских, ведь папа не может ощущать того же, что его жена.

И как чудесно знать, что отец видит себя отцом еще до моего появления, а не как принято считать – только после рождения. Нет! С этим отцом я уже чувствую себя его сыном, воспринимая волны его отношения, любви и радости...

Тогда был день, наверное, по меркам родителей, замечательный. Я не знаю, что произошло. Все те же чувства, эмоции, сопровождаемые смехом, приятными интонациями, аккуратными, бережными движениями, что были всегда направлены в мою сторону, были и сейчас.

Ненадолго я почувствовал появление кого-то, на кого перенаправились все флюиды, но скоро все вернулось, и я продолжал пребывать в спокойном наслаждении, охваченный заботой и чувственностью отношения к себе.

Перемены начались через три дня. Озабоченность охватила маму, беспокойство овладело и мною. Может быть, я и не обратил бы внимания, ведь не мое дело моя безопасность и развитие, но когда приближающаяся неизвестность веет холодком, пробегая

передающимися от мамы мурашками, напоминает, что и здесь есть место страху, хочется услышать или почувствовать успокоительные интонации в голосе и словах, направленных именно тебе.

Сначала мы затемпературили. Мне это не чувствительно, но очевидно — я уже научился понимать происходящее с мамой. После появились ощущения, напоминающее те самые дни, когда от меня хотели избавиться.

Еще не зная, что такое речь, не понимая значение слов, я мог разбираться в интонациях и заряженности энергии, направленной в свою сторону. Каждый последующий давался тяжелее предыдущего. Ну почему не бывает людей, живущих в одном настроении? Именно такими создавал нас Господь.

Снова, как и прежде, все чувства от меня перенаправлялись вовне, правда, этому предшествовал период, когда меня обняли, буквально сжав своей аурой, муки переживаний. Мне казалось, что со мной прощаются, но не как с существом, покидающим этот мир, а напротив, остающимся за счет жертвы другого, покидающего его вместо меня. Это продлилось недолго. Я вновь чувствовал всколыхнувшиеся волны вокруг меня, не утихающие, как обычно, но наращивающие беспокойство. Возвратились, как когда-то, тучи, тень которых заслонила сердце, бьющееся надо мною.

Не знаю, как это объяснить людям — его ритм бился не обо мне. Подстроиться под его мелодию значит оттолкнуться, а не почувствовать притяжение, как прежде. Так длилось до вечера, перешедшего в ночь полным охлаждением. Если бы люди знали, что духовная их часть способна влиять на физическую оболочку настолько ощутимо, что окружающий мир меняется мгновенно! Хотя это и известно каждому. Если человек зол или неприятен сам по себе или находится в состоянии неприятия с вами, быть рядом с таким и тяжело, и неприятно. Можете себе представить, каково было мне, когда я, не имеющий возможности покинуть свое жилище, как преданный *пузожитель*, оставался всегда не только нем, но и при этих, сейчас не переносимых эмоциях.

Ночь прошла так, что лучше бы ее не было! Утро напомнило те начала дня, что были перед почти состоявшимися моими смертями. Невыразимая мука, тем более, что причины к подобному не могло быть, ведь я, как всегда, здоров, крепок, кажется, любим. За что вы, родившиеся, так ко мне? Неужели вы не в состоянии представить, что такое тяжелее, чем состояние, когда вы можете что-то предпринять, когда от вас что-то зависит? Я ведь понимаю... Нет, не так! Я, уже пройдя дважды круги таких мучений, готовлюсь к третьему, но что я могу?! Приготовиться к страшному?! Но ведь я уже человек! Выньте меня на свет Божий, и я буду жить, как все рожденные, как вы, когда-то возрастая и мужая! Чем я отличаюсь от других? Только вашим решением и принадлежностью к вам? Неужели то, что вы чего-то опасаетесь или предполагаете о будущем, сможет лишить меня жизни?! Сможет отобрать вас у меня, а меня от вас?!...

Утро не всколыхнуло ожидаемого спасительного чувства, которое хотелось бы почувствовать от мамы. Холодок безразличия пугал своими перспективами. Почувствовав недостаток питательных веществ, я съежился в комок, спать не получалось. Засунув пальчик в ротик, я пробовал успокаиваться этим. Когда вы окружены неприязнью неожиданной,

незаслуженной, похоже, что сопровождающей вас в последний путь, который кажется неизбежным, при всем при том, что спасение всего лишь в шаге, вы, не умея больше ничего, продолжаете любить своего убийцу, уже тихо, бессильно, без обид, смиренно, но с надеждой, взываете к ней всем, чем можете: от души к душе, от сердца к сердцу, всей нервной системой к её такой же: «Мама... Мама... Мамочка...» Она не слышит, продолжая в бессилии следовать сделанному в неразумии решению, о котором обязательно рано или поздно пожалеет...

Снова, как когда-то, я почувствовал сначала, исходящую от мамы агрессию. Сейчас она была направлена вовне. Я ни разу не слышал такого крика, никогда ты не была такой злой и раздраженной. Это была не ты, но именно в такой я и находился.

Я слышал успокаивающие интонации, длинные фразы, которые ты перебивала, что-то требуя. О, как я надеялся, что ты защищаешь меня, но душа и сердце подсказывали, что ты требуешь моей смерти. Душа твоя плакала, призывая мою поддержать тебя. Вместе они могли бы через совесть хотя бы попробовать взывать... Но голос совести слаб, когда злые намерения овладевают разумом...

Все успокоилось быстро, скоро мамочка замерла, лежа, перед этим совершив несколько странных дел. Чем-то она водила внизу живота, с каким-то скрежетом, которого прежде я не помню. В надежде, что это та самая штуковина, через которую она видела меня, я помахал ей ручками, даже старался улыбаться, но это не было тем, на что я надеялся. Не было и сопровождавших тогда эмоций. Неприязнь, и все это я чувствовал!..

Почувствовав какой-то привкус от поступившего в организм медикамента, я заерзал, но реакции не было никакой, будто все, что происходило внутри мамы, не касалось ее совсем.

По животу провели чем-то, потом послышался страшный хрустящий звук, мгновенно стало холодно. Что-то живое, но чуждое закопошилось совсем близко, касаясь не аккуратно, не бережно, не ласково. Я застыл, понимая, что сейчас произойдет невозвратное.

То, в чем я нахожусь, вынули и положили сверху поверхности, по которой мама и папа гладили рукой. Как же все изменилось. Было не больно, но невероятно страшно — я понял: мамы больше нет, она покинула меня, отдав кому-то. Я больше не нужен ей, не любим, не жилец её животика!

Такой же звук, что и прежде, прозвучавший перед доставанием меня из оболочки, сопровождал касание чего-то легкого и твердого. Полоснуло светом, холодом и ужасом — прежде всего от того, что я один. Набрав внутрь себя что-то, что было не жидкообразным, как внутри мамы, а совсем пустым, я крикнул, но мир даже не обратил внимания, как бы говоря: «Ты явился не чтобы жить, но чтобы умереть. Умри же, чадо!»

Ну почему, почему мать не хочет видеть этот момент моего появления?! Чем он отличается от родов?! Почему на глазах столько слез, когда я вот он? Мама, ты знаешь, что я могу жить и хочу этого, ты видишь, как я дышу, шевелю ножками, ручками, я жи-и-иву-у-у! Я же твой! Ну почему ты не протянешь ко мне свои руки, а думаешь только о том, чтобы быстрее меня убили, я же не сделал этому миру ничего! Мамочка, мама... Я прощаю тебя, я люблю тебя, моя ма-а-а-ама-а-а...

Я прощался с ней, уже видя Свет, но он не был встречающим, это была надежда, сопровождающаяся гневом, направленным в сторону человека в белом халате, державшим

меня... «Сын!» — этот крик, по смыслу ничего для меня не значащий, не испугал, но вернул к жизни и меня, и мать. Достаточно трех букв, произнесенных родным и любимым голосом, чтобы не только вернуться к жизни, но простить все... Все — это значит все!..

СПАСЕННЫЕ

«Без Бога мы не можем сделать ничего — только согрешить!»
Схиархимандрит Иоаким (Парр) «Беседы на русской Земле»

Кому-то Господь дает кончину, похожую на тихое угасание дня, под шелест травы, перепевы птиц, стрекот цикад, ласковые прощальные взгляды родных, нежное убаюкивание благодати с уверенностью в милости Его, в молитве за родных, мир, себя. Кого-то забирает будто бы живого, кому-то попускает мучительные страдания болезней со страхом предстоящего, нераскаянностью, желанием всем и всему провалиться в пропасть и сдохнуть так же, как погибает он сам, несмотря на несчетные богатства, неограниченную власть, превращенные одновременно в ничто. Страстотерпцев и мучеников во славу Свою Он окрыляет на страшные пытки и лютую смерть, воспринимаемые ими с благодарностью в блаженстве, ибо Он же ограждает их от предполагаемой мучителями боли. Кто-то покидает этот мир без покаяния, оказавшись недостойным его, не использовав ни одну из сотен и тысяч возможностей спасения своей души.

Малые дети, не успев пожить, а большинство из них — и родиться, ограждаются им и от страдальческих венцов, от вечной гибели в своих нераскаянных грехах, которые непременно бы накопили. Именно они, представая пред Ликом Владыки Небесного, получают по милосердию Его ангельский чин навечно...

* * *

Андрей и Мария (Маруся) Лазутины не сразу добрались до сути рассказанного Евдокией. Муж, давно не видевший любимую, хоть и находился под впечатлением от услышанного от матери своего учителя, но утопил их в новых, только лишь увидел свою супругу. Как гром среди ясного неба прогремело медицинское показание к прерыванию беременности в связи с выявленными симптомами их ребенка, находящегося на седьмом месяце развития. Врачи оставили не больше пяти процентов счастливого исхода, будучи уверенными в поставленном диагнозе. Неважно, чем именно было вызвано такое опасение. Не станем озвучивать его, чтобы читатель не искал аналогий, но всегда необходимо помнить, что только от нашего выбора зависит: быть или не быть?! И тут нужно остановить для себя ход времени, задумавшись, чему именно не «быть», и чему «быть». Что не сбудется и получится при вашем решении, на сегодняшний день показавшемся рациональным, правильным, обеспечивающим безопасность жизни, может быть, здоровья, последнее еще понятно, и здесь действительно имеет место резон. Я говорю о выборе, делаемом в состоянии сомнения — не желания, гнева,

обиды, разочарования и им подобного. Остановитесь и задумайтесь, зачем Господь дает вам такой дар, почему именно в это время, хоть и кажущееся неудобным и неподходящим, вспомните, что Он не желает никому из нас зла или плохого, совершая все вовремя и для пользы. Нет ничего случайного, не связанного друг с другом. Если вы расстались с мужем, остались одни, то разве это одиночество, когда теперь не муж будет патронировать и заботиться о вас и младенце, а сам Господь! Вы думаете о трудностях, но они в Деснице Божией становятся незаметными – одна улыбка, подаренная вам младенцем, беззаветно любящим вас, спалит все печали дотла, освятив предстоящее, ибо это отражение милости Создателя передано вам в утверждение надежды.

Можете не верить, но сходите на УЗИ, уверен, в этот самый момент вашего отчаяния, ваш малыш пошлет вам улыбку, а Господь – поддержку. Может быть, эти сложности, уже доставшие вас до самой печенки, не более чем попытка Его вернуть вас к себе, и достаточно всего одной, но по-настоящему сердечной молитвы, взывающей к Нему, чтобы вырвать и вас, и ребенка из отчаянного положения. Настоящее Господь всегда слышит с первого раза, потому что знал об этом еще до создания Им мира. Верьте, Он не оставляет Своих чад и обязательно дарует в свое время необходимое. Отчаяние же – это смерть и прежде всего вашего младенца, доверившегося вам полностью.

Вернитесь к чаяниям, покинутым вами не нарочно, не отворачивайтесь от надежды, не ваша задача спасать себя, это сделал уже Господь, распявшись на Кресте за каждого. Подымите к Нему свои очи, наполненные слезами безысходности, просите и дастся. Аминь!..

Только эта ситуация, провалившая надежду, прорвавшая стройность планов и счастливое спокойствие, заставили Андрея обратить внимание на забытую тетрадку. Он нехотя, только чтобы успокоить несчастную, измученную сомнениями свою любимую Марусю, начал издали, вспоминая, с чего начиналось повествование пожилой мудрой женщины. Вся история хранила в себе еще не разгаданные тайны, о которых он и не подозревал, которые ждали прихода пытливого ума и ищущей надежды.

Начиная, он предполагал использовать рассказ, как негативную платформу для предстоящего разочарования от потери матерью ребенка, потери по своей собственной воле, слабости, неуверенности, мнительности.

История была не совсем схожа с их собственной, что было неважно, поскольку переживания, во многом одинаковые, наводили на одни и те же мысли и женщину, и мужчину. Сознание, перевернутое с ног на голову, вставало в правильное положение, меняло виды, опору, придавало сил, усиливало мотивацию, заставляло более явственно слышать голос совести, а значит, оттолкнуть или не обратить внимание на звучащее уже не получалось. Молодые люди говорили себе: «Ну хорошо, что ты этим хочешь сказать, зачем нам твои наставления, куда они приведут? Когда следование голосу совести облегчало жизнь?» – но история тем и хороша, что затрагивает не только «сегодня» или «вчера», а все вместе, причем вместе с «завтра».

Рассказывающий муж не сразу увлек супругу повествованием, но увлекшись постепенно, она осознала весь путь, пройденный до самого конца. Вместе супруги уткнулись в непреодолимое препятствие вместе с роженицей, теряющей своего ребенка, вместо того,

чтобы сохранить его. Самое главное заключалось в самой жизни Евдокии Лазаревны, виденной Андреем непосредственно своими глазами. Все было пронизано, как показалось тогда, болью потери несостоявшейся матери, что стало ее самообвинением, мучительной скорбью, непоправимой правдой. Так казалось...

Но... Читаемые строки тетради ставили и сравнивались с воспоминаниями Кружилиной, ложась точно в колею происходящего, кроме одного — как мог ребенок, пусть даже гениальный, написать такое?! И ведь не это вызывало сомнение: не тот возраст, не объем написанного, не стилистика или логика, а то, каким образом не переживший, как это ни странно звучит, во внутриутробном состоянии человек, мог так чувственно, открывая потаенное и всегда для всех скрытое, написать такое.

— Милый, ну ты сам подумай! Так хоть душа, как очевидица, могла вести руку ребенка...

— А ты что считаешь реальным написание ребенком в семь лет такого вот эпоса?! Да и сам-то объем? Взрослый такого за ночь не напишет!

— Что невозможно человеку, возможно Богу!

— Спора нет, но-о-о...

— Вот у тебя самые первые воспоминания детства с какого возраста?

— Марусик, мой любимый, да кто его знает... К чему это?

— Ну пожа-а-алуйста...

— Ну-у-у... С пяти-и-и, нет, с трех лет...

— Не может быть!

— Почему это?!

— У нормального человека, среднестатистического, максимум с пяти...

— Ну, скажешь тоже... Хотя знаешь... с двух! Даже-е-е.... С отцом вот, а вот и бабушкой...

А вот еще помню васильковое поле, с отцом и мамой... Постой, но это было-о-о... не может быть! Это же было в Тейково! Я только ходить научился, в деревянном бараке это было, ну знаешь, такие, временные, в военных городках... Ха-ха! Я тогда доковылял на полусогнутых до кухни, праздник какой-то был, все выпивали... Доковылял и зачем-то слил со всех бутылок остатки не помню чего, точно алкоголя, и выпил на глазах у вошедшей мамы. Не помню, что было потом...

— Ну это и не удивительно, тебе надо-то было! И сколько тебе тогда было?

— Да двух-то еще не было, как бы не полтора... О как!..

— А ведь это почти невероятно с точки зрения психиатрии, тебя обследовать нужно!

— Ты что, не веришь?!

— Во-первых, я серьезно — это случай редкостный, а во-вторых... а во-вторых, ты же не веришь...

— Не-е-е... хе-хе, это разные вещи, то еще в утробе, а это-о-о...

— Тоже невероятно... Ты же ведь верующий у меня...

— Да-а-а... это необъяснимо, но ведь это-о-о же необходимо! Если бы такое было бы возможно, то многие матери, услышав или прочитав такие «воспоминания», наверняка одумались бы! Но ведь он же погиб!

— Кто?!

- Ну... сын Евдокии Лазаревны, он же того — она на этом и прекратила рассказ...
- Журналист, твою ма... извини! А малыш свои воспоминания на чем закончил?!
- Мою маму... Мама, как же тебя люблю!..

Через час с небольшим супруги стояли около калитки. Ждать пришлось недолго, открыла сама хозяйка:

– Знаю, знаю, зачем пожаловали... Милости прошу... Давно вас жду — не забыла. Да и за тетрадочкой уже очередь...

– Здравствуйте, Евдокия Лазаревна! А мы вот не с пустыми ладошками — с гостинчиками...

– Хм... Не это важно, а то, что супруга ваша пузатенькая до сих пор... Кра-а-аса-а-а-авица... Проходи, дочка, проходи...

Устроившись так же, как и в первый раз, в присутствии детей и молодоженов, мы приступили сразу к тому, зачем явились:

– Евдокия Лазаревна, так ребенок-то ваш..., так и не понятно, что с ним...

– Это все, к чему вас сподвигла эта тетрадочка?

– Нет, конечно, если бы не она и не рассказ ваш, мы бы... Короче, ребенка мы решили оставить, как бы там ни было! И низкий поклон вам за это. Если бы не вы...

– Не мне кланяйтесь, не мне, а писавшему.

– Вот об этом и разговор! Я-то думал, да еще и не разуверился... А жив ли он? Вы-то остановились на одном, а в записях то...

– А это потому, что знала — вернетесь, да и нельзя было по-другому. Оставь я хороший конец, так и не прониклись бы...

– И все же, пожалуйста, развейте наши сомнения...

– Ну так я всем так рассказываю... А после... Пришла я в себя... Сон-то восприняла за явь! А это были последствия обезболивающего. Вообще эта операция проводится под местной анестезией, но я же всех с ума свела, потому они и решили меня успокоить, к тому же какая разница, если я ребенка просила убить. «Успокоили» и начали проводить аборт.... Представьте себе — это были те же роды — у меня по-другому было нельзя из-за слабого сердца — через кесарево сечение, обычно проводимое по показаниям и у рожениц, а значит, на свет появляется полноценный человек, которого сразу убивают. Какая же я глупая была! Ну, таких много на самом деле... Я подробностей не помню, а вот мой муж — его надо благодарить... Он помнил... В общем, пришла я в себя, все плывет, все кружится перед глазами, дурно — сил нет, но какая-то слабость и легкость. Тут-то я вспоминать и начала. Сон во всех подробностях обрушился с болью. Захотелось броситься за моим мальчиком вслед, кручу головой, а ничего из сна не вижу. Руки привязаны, ноги привязаны, вокруг кто-то ходит, какие-то расплывчатые звуки, я такие же издаю. Потом оказалось, что я вполне членораздельно говорила, а мне так же отвечали. С ума я сошла совсем, требовала мальчика вернуть или меня за ним «послать», обещала скоро вернуться вместе. Они смеялись, что-то говорили, поняла я только, что радоваться новой жизни надо. Конечно, я все воспринимала через этот сон, не знала, что ведь сон не явь! Казалось, что смех их — продолжение издевательств того самого гинеколога, что

приснился. Злюсь, кричу, плююсь и беснуюсь, а в голове постепенно происходит перестроение: была на кресле, а сейчас хирургический стол, обстановка другая. Зрение уже восстанавливается — лица добрые и веселые... Укольчик мне поставили, и совсем все прояснилось.

А как просветление наступило, вспомнился и голос мужа. Об этом и спросила, уже спокойным голосом, хотя и нервничая. Такая апатия охватила. Картина сложилась самая нехорошая: ребенок погиб, я ошибку совершила, муж пришел, чтобы объявить о разводе... — заревела. Врач подошел, осмотрел, попросил медсестру развязать, а мне сказал: «Дуреха, чего ревешь-то? С мальчиком тебя! Почти в норме: три шестьсот на пятьдесят пять. Отца благодари... Засранец, чуть всю больницу не разнес! В отделении полиции он сейчас, но мы за него горой — мужи-и-ик!..» Тут мне и поплохело... — большие две слезинки надулись в уголках глаз и свалились вниз, на подставленную ладонь. Слава Богу за все! Улыбнувшись совсем по-детски, Евдокия Лазаревна провела по лицу, с силой нажимая на кожу, словно пытаюсь расправить собравшиеся морщинки на лице. Какие-то воспоминания пролетели в ее памяти, озарив добрые глаза пламенем восторга.

— Все он, все мой Макарушка... Оказывается, он, не найдя меня, уже собирался уходить, совсем он расстроился, поняв, куда и зачем я пошла. Почувствовал он сердечком, что неправильно я все поняла, но поздно. Весь больной, еще с температурой, выскочил на улицу, и ведь успел. В пижаме по городу носился, народ распугивал. Первый раз не нашел, да, да, уже и вышел, да почувствовал — здесь и жена, и сын! Кому-то морду набил, а ведь худой, сам еле на ногах держался... И началось... Все двери оббежал, меня ведь потеряли! Ворвался он, когда этот... в общем, из рук вырвал, оттолкнул, а делать что с сыном — не знает. Схватил простынку и ну бежать, еле остановили. Он совсем уже в беспомыслии был. Ребеночка спасли, конечно. Полицию вызвали, без документов ведь, в пижаме, думали, либо из психушки сбежал, либо пьяный какой. Еще и отлупили. Позже, правда, разобрались. В одной палате мы оказались, инфекционной — главврач распорядился сутки не трогать, а потом его домой, а я еще две недели в себя приходила...

— Так значит, жив?

— Конечно, жив...

— И кто же это? Как же вы его назвали-то?

— Так это же сын мой, первенец — Лазарь, он и писал, еще совсем ребенком...

* * *

Через два с половиной месяца Лазутины праздновали рождение совершенно здорового мальчика, долго не раздумывая, назвали его Лазарем в честь человека, написавшего строки, позволившие не совершить ошибки...

И вот, что странно, не было ни одной пары, принявшей такое же решение и не назвавших сына так же Лазарем. Если же на свет появлялась девочка, то с именем Евдокия. Так, что не стоит удивляться, что на сегодняшний день это самые часто встречающиеся имена...

На прощание я поинтересовался:

– Почему же такой нужный рассказ не опубликуют хотя бы в журнале, ведь это столько судеб и жизней может спасти?..

Кружилина, улыбнувшись, перекрестилась и незатейливо произнесла:

– Господь кого-нибудь да сподобит... Однажды спасется тот, кто это сделает, а пока и так, вручную переписываем... Все вместе и переписываем...

Только тогда я вспомнил большую стопку тетрадок на углу стола и понял, откуда она, и что нужно делать.

После рождения сына мы приехали еще раз, привезя с собой две тетрадки, переписанные мной и супругой. Та стопка, что я видел, исчезла. Хозяйка сказала, что это далеко не первая, и тут же попросила дочку, ту, что открывала мне в первый день калитку, отнести на почту, мол, там знают, что с ними делать. Нам же, благословив самих и малютку, сказала:

– Давая кому-то, возвращаете Господу. Принимая от кого-то – берете займы, чтобы вернуть сторицей. С Богом, деточки, с Богом...

2 апреля 2016 года. Липецк. ИК-6.

[1] Московское Высшее Общевоинское Командное Училище

[2] Солевой аминцентез – это подача в околоплодные воды плода солевого раствора посредством иглы, вводимой сквозь брюшную стенку женщины. Раствор обжигает внутренности ребенка и разъедает их, поэтому спустя несколько часов мать рождает мертвого ребенка. Частым последствием бывает осложнение, приводящее к гистеротомии – удалению матки

[3] Лептоспироз – острая инфекционная болезнь, возбудителем которой являются бактерии рода лептоспира. Болезнь характеризуется поражением капилляров, часто поражением печени, почек, мышц, явлениями интоксикации, сопровождается волнообразной лихорадкой. Так же это заболевание известно под названием болезнь Васильева – Вейля

[4] Святитель Василий Великий.

[5] Святое Евангелие от Луки. Глава 1; ст. 39

[6] Речь идёт о соляном аборте.

[7] Адреналин доходит до организма младенца, производя те же реакции, что и в организме матери.